

ПОДКУРГАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ И ПУТИ СЛОЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ХАЗАРИИ

Археологические памятники раннего периода истории Хазарии, к которым относятся подкурганые захоронения Волго-Донских степей, являются первоисточником в вопросе генезиса салтово-маяцкой культуры. При всей своей спорности и неудачности (Афанасьев Г.Е., 2001) сам термин “салтово-маяцкая культура” в его широком смысле все же отражает ту нивелирующую роль, которую сыграла хазарская государственность в формировании облика материальной культуры народов, вошедших в орбиту Каганата. И то, что большая часть подкурганых захоронений относится к периоду, предшествующему процессу нивелировки, начавшемуся во 2-й пол.VIII в., особенно ценно. Второе важное звено – это ареал курганов “с квадратными ровиками”, не противоречащий гипотезе об их принадлежности этническим хазарам (Иванов А.А., 2000). На сегодняшний день в определении доли участия “титульной нации” в сложении культуры Хазарского каганата наблюдается крайний разброс мнений: от полного отрицания существования хазарской культуры и собственно хазарского этноса (Федоров-Гусейнов Г.С., 1999, с.34-36) до признания хазар движущим фактором появления салтово-маяцкой культуры.

Разработка этой темы требует привлечения обширного круга кочевнических памятников VI-VIII вв., их хронологической и этнокультурной дифференциации. В предлагаемой статье рассматриваются только некоторые аспекты соотношения накопленных археологических материалов и намечившихся путей их исторической интерпретации, которая в отечественном хазароведении всегда опережала источниковедческую базу.

За последние тридцать лет, прошедшие после открытия подкурганного захоронения хазарского времени экспедицией Л.С.Клейна и первых заметок А.И.Семенова относительно этого типа памятников (Клейн Л.С. и др., 1972, с.134; Семенов А.И., 1978), количество их, первоначально представлявшихся единичными, выросло до двух сотен. Это не слишком большой материал, даже не совсем достаточный для того, чтобы составить четкое представление о культурном, тем более этнокультурном облике его носителей. По числу исследованных погребений (точное их число нам неизвестно) выборка может быть приравнена к среднему (!) хорошо раскопанному грунтовому могильнику, такому как Дмитриевский или Крымский. Но при этом материал этот не только не полон из-за очень высокого процента полностью разрушенных или нарушенных погребений, но и крайне разнороден как в отношении типологических ха-

рактеристик, так и в хронологическом плане, поскольку охватывает период протяженностью более двух веков.

Некоторое представление об ареале подкурганых захоронений дает карта, составленная А.И.Семеновым, но она перегружена и неточна, поскольку автор ставил перед собой задачу не картографировать памятники, а “проиллюстрировать” свою идею о центральноазиатских компонентах в материальной культуре Хазарии (Семенов А.И., 1988). Подкурганые захоронения Калмыцких степей кон.VII-IX в. собраны и нанесены на карту Е.В.Кругловым (Круглов Е.В., 1990а). В настоящее время только вошедшие в научный оборот подкурганые захоронения хазарского времени занимают огромную территорию от Оскола до Кубани и от Иловли до Сарпинских озер. Некоторые исследователи склонны присоединять к ареалу Поднепровье, Крым, Северное Приазовье и Заволжье, вплоть до Башкирии (Комар А.В., 1999).

Надо иметь в виду, что курганы, в том числе курганы хазарского времени, концентрируются в тех зонах, где велись спасательные раскопки. Это зона Калмыцко-Астраханской и Никольской оросительных систем, Понурская оросительная система. Основной район – Нижнедонской, где в низовьях Сала и Маныча проводились мелиоративные работы с целью постройки рыбопродуктивных прудов и рисовых полей. В остальных районах подкурганые захоронения действительно разбросаны “то здесь, то там” (Плетнева С.А., 1986, с.45), а некоторые из них, такие как Столбище (Афанасьев Г.Е., 1987) или Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965), отстоят от предполагаемого ядра Хазарии на сотни километров. Курганы, содержащие комплексы VI-VII вв., тянутся на запад вдоль Северного Приазовья и Причерноморья за Днепровские лиманы, захватывая степную часть Крыма (Орлов Р.С., 1985, рис.19). Действительно, ареал хазарской культуры, в целом, и локальные варианты, в частности, предстоит выявлять еще не одно десятилетие.

В настоящее время разрабатывается несколько вариантов хронологического членения накопленного материала. Его периодизация тесно связана с вопросом этнокультурной атрибуции и крайне важна для определения той роли, которую сыграли носители подкурганного обряда в сложении культуры Хазарского каганата.

Прежде всего, необходимо остановиться на проблеме соотношения захоронений 2-й пол.VI – VII в., наиболее яркие из которых представлены погребениями так называемого “сивашевского круга”, и более поздних, содержащих материалы кон.VII – нач.IX в.

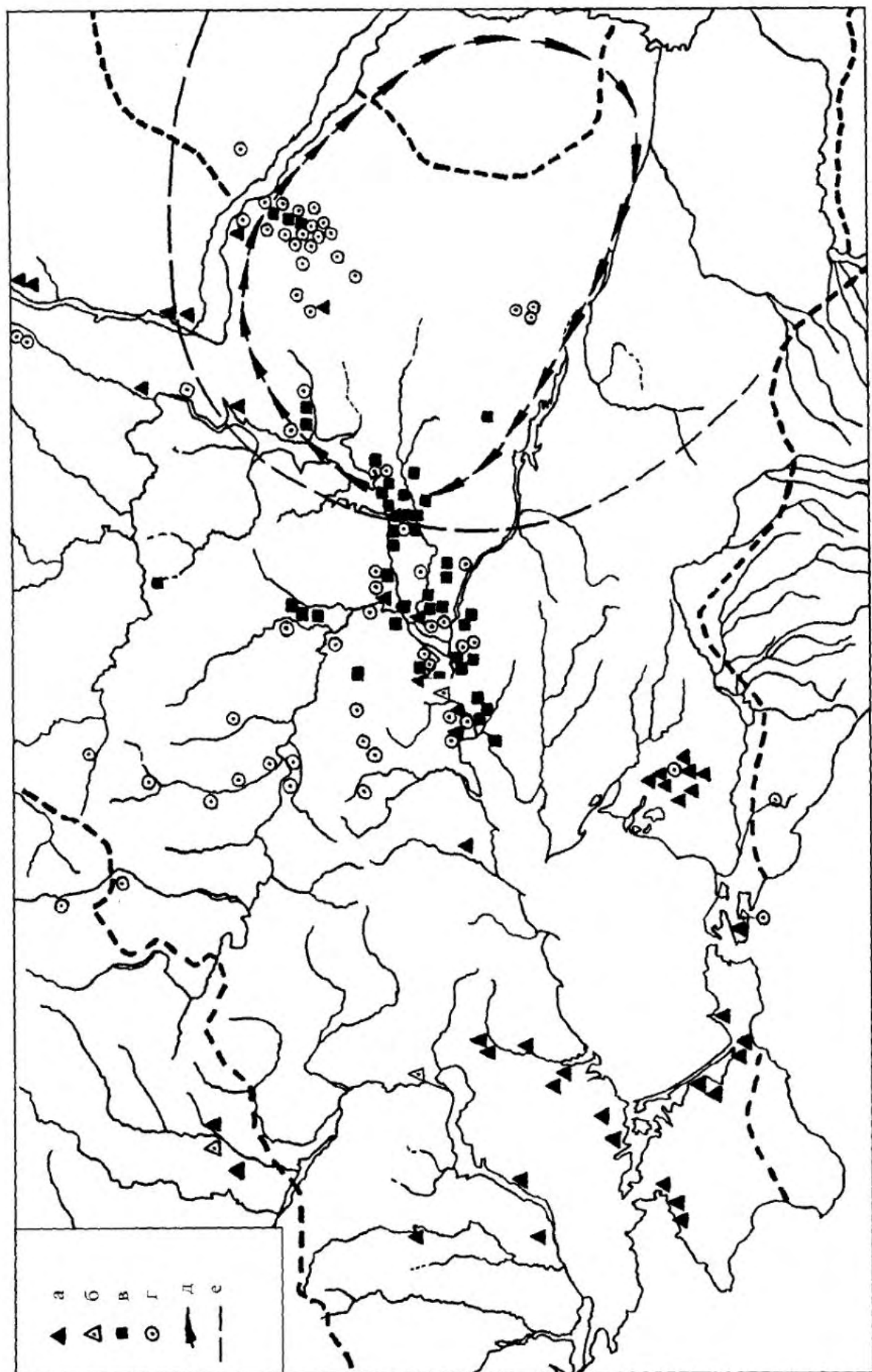

Рис. 1. Подкурганые раннесредневековые погребения поволжско-приазовских степей: а – подкурганые захоронения VII в.; б – комплексы у с.Малая Перещепина (1) и Вознесенка (2); в – курганы с квадратными ровиками; г – подкурганые захоронения VIII – начала IX в.; д – путь царя Иосифа; е – границы хазарского домена в середине X в. (по реконструкции М.И.Артамонова, 1962).

Fig. 1. The early medieval tumulus interments of the Volga river and the Azov sea areas: а – subbarrow interments of the VIIth c.; б – burial complexes of Malaya Pereschepina (1) and Voznesenka (2); в – barrows with square ditches; г – subbarrow interments of the VIIIth- the beginning of the IXth cc; д – King Joseph's way; е – Khazaria's domain borders in the mid-Xth c.(reconstruction by M.I. Artamonov, 1962).

Abb. 1. Frühmittelalterliche Unterkurganbestattungen in den Wolga-Asov-Steppen: а – Unterkurganbestattungen des VII. Jhs.; б – Komplexe beim Dorf Malaja Pereščepina (1) und Voznesenka (2); в – Kurgane mit Quadratgraben; г – Unterkurganbestattungen des VIII.-Anfang IX. Jhs.; д – der Weg des Zaren Joseph; е – die Grenzen der chazarischen Herrschaft Mitte des X. Jhs. (nach der Rekonstruktion von M.I. Artamonov, 1962).

Dess. 1. Inhumations de dessous de tumulus dans les steppes du bassin de la Volga et des bords de la mer d'Azov: а – inhumations de dessous des tumulus VII s.; б – complexes pres des villages de Pérechtchépina (1) et de Vosnessenka (2); в – tumulus aux ravins carres; г – inhumations de dessous de tumulus VIII – debut IX s.s.; д – voie du tsar Joseph; е – frontieres du domaine des khazars au milieu du X s. (reconstruction de M.Artamonov, 1962)

и совпадающих по времени с хазарским господством в южнорусских степях, в особенности с подбойными основными захоронениями, окруженными квадратными ровиками, “типа Соколовской балки”* по А.И.Семенову (Семенов А.И., 1997а), которые претендуют на роль маркера собственно хазарского этноса.

Обрядовое сопоставление двух групп памятников

1. Ареалы подкурганых захоронений VI-VII и VIII-IX вв. частично совпадают. А.В.Ивченко насчитывает в Подонье десять захоронений 2-й пол.VI – VII в. Столько же открыто в Юго-Восточном Приазовье (Атавин А.Г., 1996; Семенов А.И., 1987) (рис.1). Но в Поднепровье – Северном Причерноморье комплексы VIII-IX вв. не выделены, а комплексов 2-й пол. VI – VII в. здесь насчитывается 39 (Ивченко А.В., 1999). Таким образом, ареал дохазарских или “болгарского круга” захоронений, как их называет ряд авторов, тяготеет к Северному и Юго-Восточному Приазовью, что позволяет связывать их с культурой Великой Болгарии. Но, поскольку подкурганых кочевнических захоронений VII в. открыто немного, перевес их легко может быть нарушен при выявлении соответствующего хронологического пласта в курганных захоронениях Нижнего Поволжья и Подонья. Е.В.Круглов выделил на материалах Нижней Волги шесть комплексов VII в., которые он отнес к раннесалтовским захоронениям “перещепинского круга” (Круглов Е.В., 1990б). Открытие подкурганых захоронений VII в. на Средней Волге еще более расширило ареал памятников. Г.И. Матвеева выдвинула гипотезу о генетической связи памятников новинковского типа на Самарской Луке и подкурганых захоронений VI-VII вв.

Нижнего Поднепровья и Крыма (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.161; Матвеева Г.И., 1995, с.45-48).

2. Микротопография пока слабо освещена в литературе. Для курганов VIII-IX вв. отмечается тяготеет к восточным и северным оконечностям могильных групп, а для впускных – к тем же секторам насыпей.

3. Впускные и основные погребения существуют и в VI-VII, и в VIII-IX вв. Но в ранний период преобладают впускные. В Юго-Восточном Приазовье пока известны только впускные захоронения (Семенов А.И., 1987, табл.). В хазарское время более распространены основные погребения. Впускных довольно много в Калмыцких степях, по подсчетам Е.В.Круглова – до 37%, а для Донских они менее характерны (Круглов Е.В., 1990а).

4. Ровики характерны для всех курганов. Для VI-VII вв. отмечаются кольцевидные формы (Ивченко А.В., 1999). В Шиловском 1 кургане 2-й пол.VII в. ровик подквадратный. Возможно, вокруг основных погребений VII в., которые редко встречаются, будут обнаружены ровики других типов, не только кольцевые, но и квадратные, прямоугольные.

В VIII в. получают широкое распространение ровики прямоугольной формы. Они очень разнообразны (Иванов А.А., 1999а). Характерной особенностью ровиков хазарского времени являются перемычки по углам. Продолжают, хотя и редко, встречаться кольцевые ровики. Они известны на Дону и в Калмыкии. Кольцевые ровики прослежены у большинства курганов VIII в. новинковского типа на Самарской Луке. Но в это же время на Средней Волге сооружались и ровики прямоугольных очертаний (Багаутдинов Р.С. и др., 1998).

5. Формы могильных ям разнообразны: это простые ямы, ямы с заплечиками, ниши, подбой со ступень-

* Идя вслед за историографией, мы употребляем термины “соколовский” и “сивашовский” типы памятников. Однако эти обозначения не отражают всего многообразия подкурганых захоронений, условны и, как мы постараемся показать ниже, не дают оснований для четких разграничений комплексов.

ками. Вход на протяжении обоих периодов сооружался, преимущественно, слева от погребенного в подбое.

Для захоронений VI-VII вв. Северного Причерноморья и Приазовья соотношение ямных и подбойных погребений примерно одинаково: по наблюдениям А.В.Ивченко, соответственно 19 и 17 (Ивченко А.В., 1999). В Юго-Восточном Приазовье подбои, видимо, более редки: известно семь ямных при только одном подбойном погребении (Семенов А.И., 1987; Атавин А.Г., 1996).

В VIII-IX вв., наоборот, простые ямы и ямы с заплечиками встречаются значительно реже, чем захоронения в подбоях, и концентрируются на Нижнем Дону (Иванов А.А., 1999б).

В группах “сивашевского” и “соколовского” типов в ямных погребениях на заплечиках и в подбойных между входной ямой и подбоем сооружались перекрытия. Чаще всего, в обеих группах перекрывающие конструкции фиксируются из деревянных плах. Редко встречаются каменные перекрытия и заклады (Кашеевский могильник, к.9 и др.).

6. Состав погребенных. В основном, оба периода представлены одиночными погребениями мужчин-воинов. Изредка в обеих группах отмечаются погребения женщин-воинов, число которых при наличии соответствующих антропологических данных может возрасти (такие комплексы, как Аккермень; Дорофеевский, к.13; Луч, к.3).

Парные погребения – исключительно редки.

7. Гробовища и подстилки. Гробовища представлены и в первой, и во второй группах также, как обязательный элемент обряда – меловая подсыпка и органическая подстилка. В хазарских “соколовского типа” погребениях отмечены случаи подсыпки из древесных углей (могильник Кастырский, парное погребение у х.Веселый).

8. Позы и ориентировка. Абсолютно преобладающая поза во всех погребениях – вытянуто на спине. Руки лежат вдоль туловища, иногда кисти уложены на тазовых костях. Обе группы различает преобладающая ориентация погребенных. В погребениях VI-VII вв. преобладает восточная и северо-восточная, хотя известно более 10 погребений с иной ориентировкой: запад, северо-запад, север.

Во второй группе преобладает западная ориентировка, но и здесь встречаются погребения с иной ориентацией: на юг и восток.

9. Конь. В погребениях VI-VII вв. конь сопровождает только треть погребенных. В VIII-IX вв. – это практически обязательный элемент обряда, хотя в курганах продолжают встречаться ямные погребения без коня (х.Красноармейский, Крепинский 1, Николаевка). В обеих группах конь представлен целым остовом или, чаще, черепом и костями конечностей, которые положены на ступеньке подбоя или на перекрытии, реже – на дне могилы. Конь располагался слева от погребенного и обращен в ту же сторону, что и голова погребенного.

Опять же есть случаи, когда коня укладывали справа (в первой группе – Старонижнестеблиевская, Калининская 4/10, во второй – Кривая Лука XXVII, к.5). Конь сопровождался сбруей.

10. Жертвенные животные (или жертвенная пища), как и захоронение коней, в первой группе сопутствуют только части погребенных, а в погребениях “соколовского типа” – опять же обязательный элемент обряда. В обеих группах – это куски бараньей туши или целый баран, помещавшийся в изголовье.

11. Керамика. Сосуды для жидкой пищи и жидкостей, сопутствующие мясной пище, ставились в обеих группах также в изголовье, хотя есть исключения (х.Красноармейский – в ногах). В VI-VII вв. керамические сосуды характерны для более бедных, а мясная пища – для более богатых всаднических погребений (Орлов Р.С., 1985). В курганах “соколовского типа” керамика сопровождает почти все погребения. Основной погребальный сервиз являлись в обеих группах лепные грубые горшки приземистых форм с максимальным расширением в средней части и, как правило, с защипами или насечками по венчику. Находки кувшинов единичны. В VIII-IX вв. появляются баклажки и горшки салтовского облика с рифленой поверхностью.

12. Оружие. Набор вооружения в обеих группах одинаков и имеет чисто хронологические различия. Это сложносоставной лук с роговыми концевыми и срединными накладками. Наконечники стрел в оба периода черешковые, трехлопастные и плоские. Клинковое оружие: меч, который со временем сменяется палашом, а затем – саблей. Топоры и копья для погребений как “соколовского”, так и “сивашевского” типов не характерны.

13. Поясные наборы часто встречаются в обеих группах и различаются хронологически: геральдический стиль сменяется ажурным растительным, а на последнем этапе появляется гарнитура салтовского облика (Иванов А.А., 1999б; Комар А.В., 1999).

14. Украшения, детали одежды, предметы туалета. Из украшений можно отметить серьги, перстни, бусы. В ранней группе встречаются гривны и костыльковые застёжки. Фибулы в погребениях обеих групп не найдены. Из предметов туалета известны зеркала.

15. Импорт, монеты. Часты находки деталей поясной гарнитуры византийского и, видимо, иранского (с грануляцией) производства. Начиная с сер.VII в., в погребениях встречаются византийские солиды, сасанидские драхмы, позже – арабские дирхемы. Чаще всего находят солиды. Известны находки византийской и иранской торевтики.

Для разработки вопроса об истоках и формировании культуры зрелого Хазарского каганата, салтово-маяцкой культуры проблема разнокультурности или однокультурности, в смысле сохранения генетической преемственности, “сивашевских” и “соколовских” типов погребений крайне важна. Она давно на-

зрела, но нет ни одной работы, как верно отмечает А.И.Семенов, где сравнение было бы проведено с максимальным охватом доступных материалов (Семенов А.И., 1997, с.22) и по широкому списку признаков.

Наиболее спорной является группа памятников так называемого “перещепинского круга”, занимающая хронологически среднее положение между погребениями “сивашевского круга” с геральдической garniturой и основными погребениями, окруженными квадратными ровиками, “соколовского типа” (Айбабин А.И., 1999, рис.74; Орлов Р.С., 1985).

Версии о культурном соотношении памятников VI-VII и VIII-IX вв. восточноевропейских степей

1. Памятники разнокультурны и генетическая преемственность между ними отсутствует. Наиболее категорично выражена эта гипотеза в работах А.И.Семенова (Семенов А.И., 1987, 1988, 1997). Он предлагает картографию памятников по типам и сравнительную таблицу признаков обряда 17 погребений Прикубанья и Волго-Донских степей. “Сивашевский тип” связывается им с болгарами на основании датировки памятников и их ареала, охватывающего Северное и Восточное Приазовье. “Соколовский тип” соотносится А.И.Семеновым с хазарами или тюркютами.

Помимо ареала, аргументами разнокультурности А.И.Семенов считает такие отличительные признаки болгарских комплексов, как впускной характер погребений, ориентировка на восток и северо-восток, отсутствие квадратного ровика, отсутствие кенотафов, отсутствие в погребальном инвентаре керамических сосудов, перстней и византийских монет, наличие палашей и луков “гунно-болгарского типа”, по его мнению, отличного от хазарского. А.А.Иванов предполагает, что типременной garniturой также может служить критерием различия двух групп памятников (Иванов А.А., 1999б, с.66). Вторая часть перечисленных признаков, на наш взгляд, носит чисто хронологический характер различий. Первая акцентирует внимание на различиях, опускаемая присутствующие, хотя и более редко проявляющиеся сходные черты: наличие основных погребений, подбоев, ровиков, костей коней и баранов, лепных горшков и т.д. Такие признаки, как наличие кенотафов и квадратных ровиков, тесно связаны. Обнаружение хазарских кенотафов стало возможным только в результате перехода к сооружению основных погребений в VIII в. и тогда же распространившегося в Подонье обычая сооружать квадратные ровики с перемычками по углам. Без этого признака курганы, не содержащие погребения, нельзя было бы идентифицировать, как принадлежащие к “соколовскому типу”. Вес данных ровиков как культуроопределяющего и даже датирующего признака все меньше вызывает сомнений. Но этноопределяющее значение этого достаточно кратковременного и локального признака еще предстоит выяснять (Флёрова В.Е., 2001а).

2. Памятники сохраняют преемственность культуры, но представляют разные хронологические пласты. Причем, преемственность прослеживается в отношении различных предполагаемых этносов:

а) хазар (Комар А.В., 1999; Круглов Е.В., 1991);

б) болгар (Багаутдинов Р.С. и др., 1988; Матвеева Г.И., 1995, 1997; Рашев Р., 2000);

в) позднесарматского населения, смешавшегося с пришлым с востока этносом (Васюткин С.М., 1988; Максимов Е.К., 1956; Синицын И.В., 1959, с.203).

Показательно, что авторы, придерживающиеся мнения о разнокультурности групп памятников, обычно, обозначаемых как “болгарские” и “хазарские”, не одинаково группируют известный к настоящему времени материал захоронений VI-VIII вв.

В концепции А.И.Айбабина болгарам принадлежат комплексы типа Сивашевка – Рисовое, датирующиеся 2-й пол.VI – 3-й четв.VII в. в Крыму, Поднепровье и Северном Причерноморье (Айбабин А.И., 1999, рис.34). Более поздние, по его системе хронологии, памятники Поднепровья (Белозерка, Костогрызово) и Крыма (Портовое, Новопокровка) он относит к хазарам. Среди хазарских памятников оказались и комплексы из Восточного Приазовья (Малаи, х.Крупской, Калининская, Старонижнестеблиевская). Хазарская группа памятников датируется последней четв. – кон.VII – нач.VIII в. (Айбабин А.И., 1999 рис.74). Кроме хронологических, никаких аргументов, послуживших причиной данного членения материала, не приводится.

И.А.Баранов, ограничившийся рассмотрением крымских впускных захоронений, датирует их более узко: сер. – 2-я пол.VII в. По его концепции, погребения типа Рисовое, Богачевка, Наташино отнесены к болгарам-оногурам. В этом он не расходится с А.И.Айбабиным. Погребение Портовое (Сары-Булат 12/5) И.А.Баранов относит также к болгарам, а не к хазарам, как А.И.Айбабин. Обряд погребений характеризуется общностью признаков, сведенных в таблицу 11 комплексов, и аналогичен обряду погребений VI – 1-й пол.VII в., представленных в работе Р.С.Орлова: вытянутое положение скелета, ориентация на северо-восток, подбой с полочкой, остатки туши козы или овцы, набор инвентаря (Баранов И.А., 1990 с.109-115; Орлов Р.С., 1985).

А.И.Айбабин расходится также с А.Г.Атавиным. И не только в том, что последний приписывает прикубанские погребения болгарам, но и в датировках: А.Г.Атавин относит комплексы Чапаевский и х.Крымский не к кон.VII в., а к его 1-й пол. (Атавин А.Г., 1996).

А.И.Семенов причисляет к болгарам не только прикубанские комплексы, но и захоронения Белозерка, Костогрызово, Портовое, Лимаровка на Северском Донце, отнесенные А.И.Айбабиным к хазарским (Семенов А.И., 1988, рис.4а, X).

Напротив, хазарский уклон заметен в работах Е.В.Круглова, который объясняет внезапное, по его мнению, появление в восточноевропейских степях

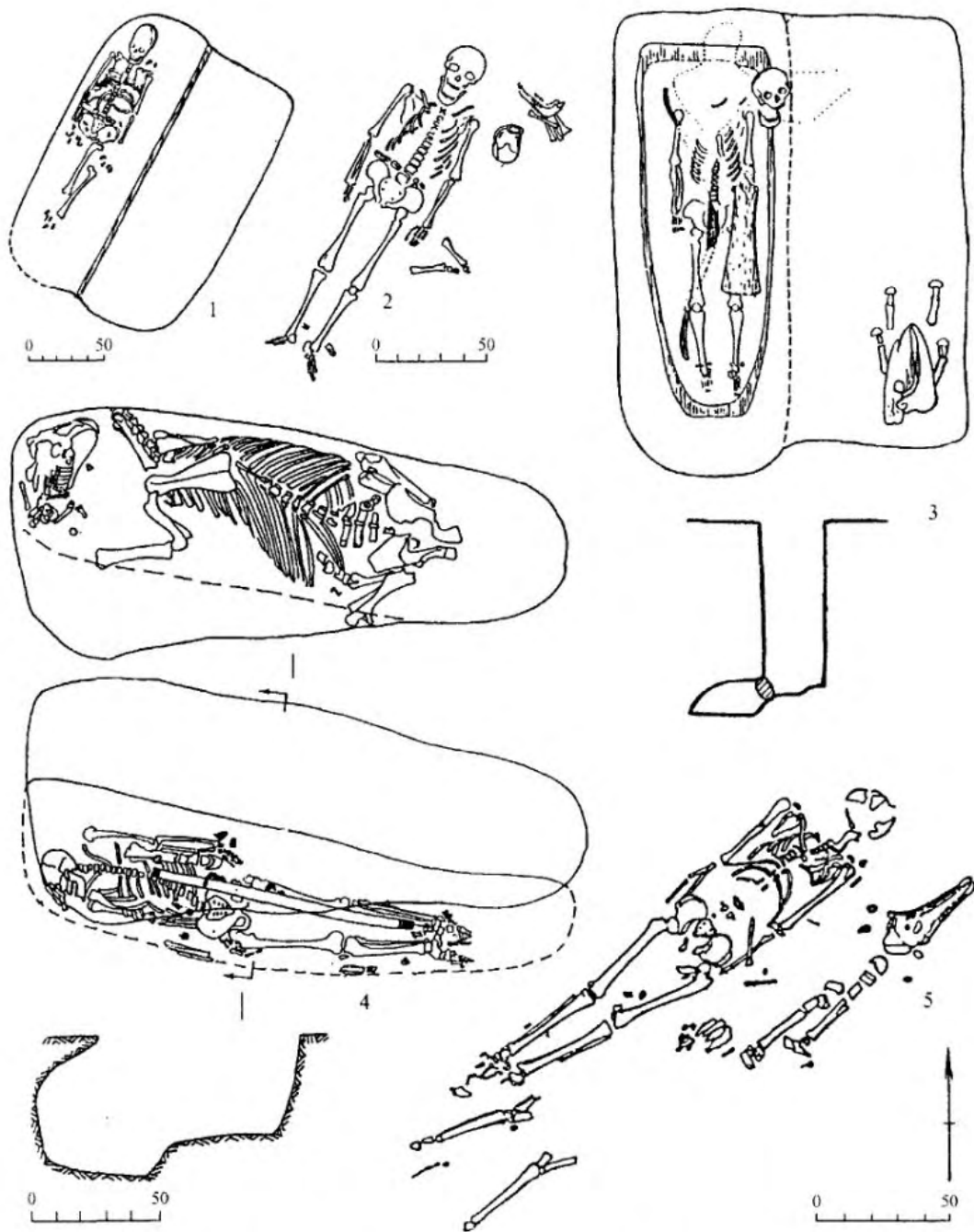

Рис. 2. Погребальный обряд подкурганых захоронений VII в.: 1 – Иловатка, к.3, п.2; 2 – Бережновский могильник, Юго-Западная группа, к.1, п.7; 3 – Авиловский I могильник, к.1; 4 – Виноградное, к.5; 5 – Калининская, к.30, п.3 (по: Атавин, 1996; Максимов, 1956; Орлов, Рассамкин, 1996; Рашев, 2000; Синицын, Смирнов, 1959).

Fig. 2. The funeral rite of the tumulus interments of the VIIth c.: 1 – Ilovatka, b.3, int.2; 2 – Berezhnovsky burial ground; the South-Eastern group, b.1, int.7; 3 – Avilovsky burial ground I, b.1; 4 – Vinogradnoye, b.5; 5 – Kalininskaya, b.30, int.3 (according to Atavin, 1996; Maksimov, 1956; Orlov, Rassamakin, 1996; Rashev, 2000; Sinitsyn, Smirnov, 1959).

Abb. 2. Bestattungsritual der Unterkurganbestattungen des VII. Jhs.: 1 – Ilovatka, Kurgan 3, Grab 2; 2 – Gräberfeld Berežnov, SW-Gruppe, Kurgan 1, Grab 7; 3 – Gräberfeld Avilov 1, Kurgan 1; 4 – Vinogradnoje, Kurgan 5; 5 – Kalininskaja, Kurgan 30, Grab 3 (nach: Atavin, 1996; Maksimov, 1956; Orlov, Rassamakin, 1996; Rašev, 2000; Sinicyn, Smirnov, 1959).

Dess. 2. Rite funéraire pour les inhumations de dessous de tumulus au VII s.: 1 – Ilovatka, t.3, sép.2; 2 – nécropole de Bérežnovka, groupe du sud-ouest, t.1, sép.7; 3 – nécropole de Avilovka 1, t.1; 4 – Vinogradnoyé, t.5; 5 – Kalininskaya, t.30, sép.3 (d'après Atavine, 1996; Maximov, 1956; Orlov, Rassamakine, 1996; Rachev, 2000; Sinitsine, Smirnov, 1959).

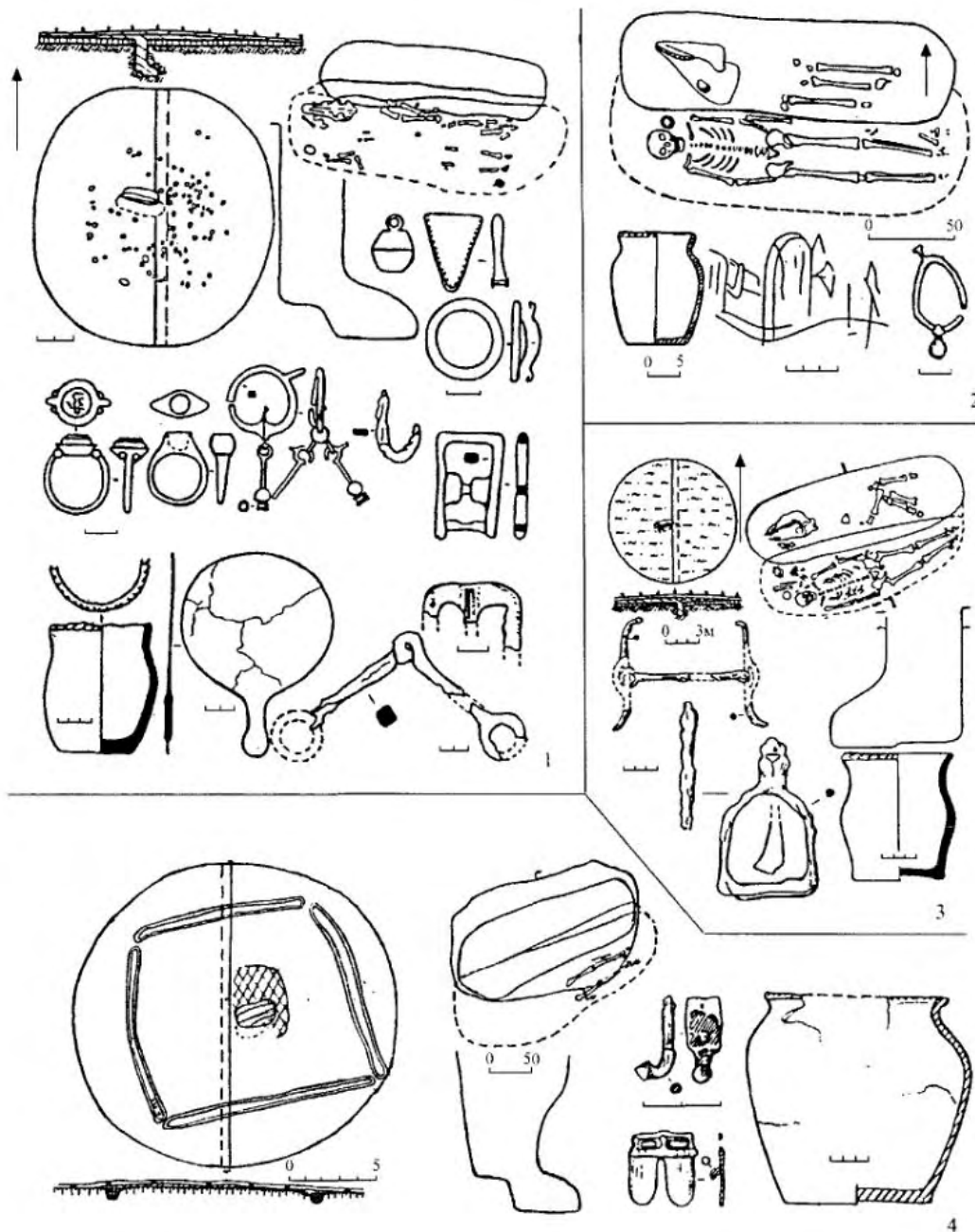

Рис. 3. Основные подкурганые захоронения VIII в.: 1 – Дорофеевский могильник, к.13, Есауловский Аксай; 2 – Купцин-Толга, к.14, Нижняя Волга; 3 – Барановка, к.27, Иловля; 4 – Кировский V могильник, к.3, междуречье Сала и Маньча (по: Власкин, Ильюков, 1990; Круглов, 1990а, 1992а, б). Инвентарь дан выборочно.

Fig. 3. The main tumulus interments of the VIIIth c.; 1 – Dorofeyevsky burial ground, b.13, Yesaulovsky Aksay; 2 – Kupcyn-Tolga, b.14, The Lower Volga; 3 – Baranovka, b.27, Ilovlya; 4 – Kirovsky V burial ground, b. 3; the area between the Sal and the Manych rivers (according to: Vlaskin, Ilyukov, 1990; Kruglov, 1990a, 1992a, b). The grave goods are presented selectively.

Abb. 3. Die wichtigsten Unterkurganbestattungen des VIII. Jhs.: 1 – Gräberfeld Dorofejev, Kurgan 13, Esaulov Aksaj; 2 – Kupcyn-Tolga, Kurgan 14, Unterlauf der Wolga; 3 – Baranovka, Kurgan 27, Ilovlja; 4 – Gräberfeld Kirovskij V, Kurgan 3, Gebiet zwischen Sala und Manytsch (nach: Vlaskin, Il'jukov, 1990; Kruglov, 1990a, 1992a, b). Inventar wird wahlweise gegeben.

Dess. 3. Inhumations principales de dessous des tumulus au VI s.: 1 – nécropole de Doroféevka, t.13, Essaoulovski Aksai; 2 – Kouptsine Tolga, t.14, Nijniaya Volga; 3 – Baranovka, t.27, Ilovlia; 4 – nécropole de Kirovka V, t.3, entre deux rivières Sala et Manytch (d'après Vlaskine, Iliukov, 1990; Krouglov, 1990 a, 1992 a, b). Présentation du choix de mobilier

большого числа впускных погребений хазарской экспансией на запад в сер. – 2-й пол. VII в. Экспансия увенчалась тем, что к кон. VII в. хазары закрепились в Северном Причерноморье, Крыму и Восточном Приазовье. Закончилась она на рубеже VII–VIII вв. с началом арабо-хазарских войн. Однокультурны, по его мнению, захоронения типа Сивашевка, за исключением тех, где конь положен не сбоку, а сверху на перекрытие, Ясиново, Портовое, Красюковская (Епифаново), крымские погребения, отнесенные И.А. Барановым к болгарским, Уч-Тепе на Кавказе, Арцыбашево на Верхнем Дону, приднепровские памятники: Перещепино, Глодосы, Вознесенка, приволжские: оба погребения в Бережновских могильниках, Иловатка (рис. 2, 1, 2), Зиновьевка, Саратов-II, к.1, нижневолжская Ханата*, а также прикубанская группа погребений. Обряд погребений, присущий комплексам VII и нач. VIII в., как полагает Е.В. Круглов, сохраняется в VIII–IX вв. Это формы могил, особенности положения жертвенных животных, устойчивые категории инвентаря погребений (Круглов Е.В., 1991).

Следующий в русле концепции о салтово-маяцкой культуре как государственной культуре Хазарского каганата А.В. Комар, вслед за Е.В. Кругловым, склонен преувеличивать значение и вес этнических хазар, т. к. именно хазары являлись «движущим фактором появления культуры» (Комар А.В., 1999, с.111). Он связывает с хазарами не только погребения VII в. в Саратовском Поволжье (Иловатка и Бережновка) и комплексы перещепинского круга из Поднепровья, но и «сивашевские» комплексы (Белозерка, Виноградное) (рис. 2, 4), а также другие погребения с подбоями и ориентацией на северо-восток. Все комплексы, отнесенные по составу инвентаря к «перещепинской культуре», невзирая на разницу в обряде, он считает однокультурными: трупосожжения в Новогригорьевке и далеко от нее отстоящем Новиковском комплексе под Уфой, катакомбы Чир-Юртовского могильника и Директорской горки, необычное погребение в Уч-Тепе и простые ямные захоронения в Рябовке, неизвестно к какому обряду относящиеся комплексы из Арцыбашево, Вознесенки и Столбища, подкурганые впускные захоронения Прикубанья (рис. 2, 5) и т.д. (Комар А.В., 1999, с.112 и далее). В русле хазарской принадлежности он склонен пересмотреть и ряд погребений бассейна Северского Донца, обычно связываемых с болгарскими (Комар О.В., Піоро, В.І., 1999, с.157, 158).

Как и у Е.В. Круглова, предложенная хазарская атрибуция памятников с геральдическими наборами в Северном Причерноморье и комплексов «перещепинского круга», определяемых в рамках концепции А.В. Комара как принадлежащих социальной верхушке того же этноса, имеет прямую связь с хронологическими изысканиями автора. А.В. Комар проделал

громдную работу по разделению деталей инвентаря комплексов кон. VII – нач. X в., преимущественно деталей поясных наборов, на 12 хронологических горизонтов и ряд этапов внутри них, дробящих время на отрезки от 10 до 25 лет. Не касаясь вопросов относительной хронологии, т.е. выделения самих горизонтов, отметим недостаточно аргументированное автором положение, что комплексы круга Сивашевки, «перещепинского круга» и Вознесенки – однокультурны. Именно исходя из их однокультурности, он определяет абсолютную дату нижней границы перещепинского горизонта временем прихода хазар в Поднепровье и Северное Причерноморье, повлекшим уход орды Аспаруха на Дунай, т.е. после 680 г. Собственно, концепцию А.В. Комара продолжает развивать, но в более радикальной форме Е.В. Круглов.

Хазарская атрибуция «сивашевского круга» памятников и комплексов «перещепинского» хронологического горизонта, которой придерживается Е.В. Круглов, по всей видимости, опирается на публикацию Ясиновского комплекса А.И. Айбабиным (Айбабин А.И., 1985), в которой он предлагает дату – 2-й пол. VII в. для комплексов Келегеи, Новые Санжары, Арцыбашево, Белозерка, Ковалевка, Дымовка и Портовое, а Ясиново и Вознесенку датирует 1-й пол. VIII в. Позже А.И. Айбабин отнес Ковалевку и Дымовку к болгарскому кругу памятников 2-й пол. VI — 3-й четв. VII в. (Айбабин А.И., 1999, с.163, рис.34). Хронология Е.В. Круглова и А.В. Комара значительно омоложена по сравнению с предложенной Р.С. Орловым, который датирует основную массу погребений «сивашевского типа», начиная со 2-й пол. VI в. и до сер. VII в. Наиболее поздний, Яблоня, синхронен Вознесенскому комплексу, для которого он принимает датировку самым началом VIII в. Более ранние датировки, принятые в работах Р.С. Орлова, привели его к заключению о связи «сивашевского типа» погребений с болгарскими (кутригурами). И.А. Баранов, обративший внимание на хронологию Р.С. Орлова, хотя и датирует крымские впускные захоронения сер. – 2-й пол. VII в., также относит их к болгарам (оногурам), как идентичные по обряду более ранним приднепровским комплексам.

Поскольку хазарская экспансия на запад, исходя из сведений (хотя и косвенных) письменных источников, датируется не ранее 60-70 гг. VII в., то уточнение хронологии комплексов имеет и принципиальное значение при определении их принадлежности к культуре болгар (сначала в составе аварского союза, затем Великой Болгарии) или тюркам и хазарам эпохи военных походов на запад. Р.С. Орлов отмечает существенные изменения в материальной культуре кочевников в сер. VI в., что дает ему основание связывать появление погребений «сивашевского типа» с господством I Тюркского каганата, а исчезновение – с рас-

* А.И. Семенов погребения Бережновки, Иловатки и Ханаты также относит к болгарскому кругу впускных погребений, несмотря на их удаленность от исторических границ Великой Болгарии VII в. (Семенов А.И., 1988, рис.4а, X: 124-126).

падом этого политического образования и созданием Хазарского каганата в сер.VII в. (Орлов Р.С., 1985, с.104). В связи с этим предположением существенно установление абсолютной даты нижнего хронологического горизонта памятников “сивашевского типа”, который Р.С.Орлов относит к сер.VI, Е.В.Круглов к сер.VII, а А.В.Комар – к 70 гг. VII в.

И.А. Баранов в подтверждение своей гипотезы о болгарской принадлежности крымских впускных погребений VII в., аналогичных по обряду северопрichernоморским захоронениям VI в., в частности, указывает на находку пряжки типа “Сучидава” в Малой Терновке (Баранов И.А., 1990, с.115). А.И.Айбабин датирует этот тип пряжек более широко, поднимая верхний предел бытования с кон.VI в. (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.90; Орлов Р.С., 1985, рис.18, 14) до 1-й пол.VII в. (Айбабин А.И., 1999, табл. XXX, 9). К поздней датировке присоединяется А.В.Комар*, который, кажется, вообще сомневается в существовании такого государства как Великая Болгария (Комар А.В., 1999, с.112, 115).

Расхождения в 50 лет в сторону омоложения заметны в датировании и по другим деталям ременной гарнитуры, предложенных А.И.Айбабиным (ср. Орлов Р.С., Рассмакин Ю.Я., 1996 и Айбабин А.И., 1985; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.90 и Айбабин А.И., 1999, табл. XXXI). А.А.Иванов также расходится с А.И.Айбабиным и А.В.Комаром, предлагая ограничить датировку кочевнических погребений, содержащих поясные наборы геральдического стиля, 1-й пол.VII в. Ко 2-й пол.VII в. он относит распространение литых поясных наборов с ажурной орнаментацией и пряжками, имеющими шарнирное соединение со щитком (Иванов А.А., 1999б). В определении верхней хронологической границы сивашевских погребений А.А.Иванов сходится с Р.С.Орловым. Ажурный стиль связан уже с “соколовским” типом погребений.

Омолаживают А.И.Айбабин, Е.В.Круглов и А.В. Комар и дату погребений “перещепинского круга”, относя их к последней четв. VII – нач. VIII в. Большинство исследователей они датируются в рамках сер. – 3-й четв. VII в. По современному состоянию источников, как считают И.О.Гавритухин и А.М.Обломский, экспансия Хазарского каганата на запад относится ко времени не ранее нач. VIII в., и комплексы Макуховка, Малая Перещепина, Новые Санжары, таким образом,

следует связывать с культурой Великой Болгарии (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.144-148)**.

Абсолютное датирование комплексов с допусками в 50, а то и более лет мало пригодно для сопоставления с исторической канвой, нашедшей фрагментарное отражение в письменных источниках. Отмеченные разногласия исследователей в определении абсолютных дат кочевнических древностей “предсалтовского” времени свидетельствуют, что состояние разработки хронологической шкалы еще далеко от завершения.

Уже достаточно ясно, о каких памятниках идет речь, когда встречаются термины “сивашевский тип”, “перещепинский круг”, “курганы с ровиками”. Но при попытке провести четкие границы между “сивашевским типом”, с примыкающей к нему группой 4 А.К.Амброза, и “перещепинским кругом” явно возникают затруднения, в результате которых одни и те же комплексы попадают в разные “круги”.

Нет единого мнения и о том, существовал ли разрыв (и если существовал, то насколько он был велик) в хронологической и культурно-исторической принадлежности погребений с геральдическими поясными наборами и примыкающими к ним памятниками круга “Перещепина – Келегеи – Макуховка”, с одной стороны, и горизонтом “Вознесенка – Новогригорьевка” и примыкающими или близко отстоящими от них по времени ранними курганами с квадратными ровиками, с другой.

Деление на две группы памятников, знаменующее переход политического доминирования в северопрichernоморских степях от болгар к хазарам, предложено А.И.Семеновым (Семенов А.И., 1987). В хронологическом аспекте оно поддержано И.О.Гавритухиным: по синхронистической таблице, помещенной в монографии 1996 г. (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.90), между двумя группами памятников по датирующим типам вещей и монетам действительно прослеживается разрыв около четверти века. А.К.Амброс объединял Вознесенку в один хронологический горизонт с комплексами Ясиново и Романовская (1884 г.) на Дону, датируя их 1-й пол. VIII в. (Амброс А.К., 1981, с.13). А.И.Айбабин датирует всю эту группу последней четв. VII – нач. VIII в. (Айбабин А.И., 1999, с.178, рис.74). А.В.Богачев комплекс Ясиново синхронизирует с Перещепинским времени его закрытия. К этому же горизонту “Перещепина – Шиловка”*** отно-

* Надо отметить, что погребения у Большого Токмака и Малой Терновки, где найдены пряжки “Сучидава”, он пытается приписать “совсем другой группе тюркского населения”, на основании их ориентировки на север и северо-запад, что не совсем корректно, так как причисленные к “хазарским” комплексы Уч-Тепе и Романовская имеют юго-западную и северо-западную ориентировки, Виноградное к.5 – западную, Рисовое 13/12 и к.8 у Старонижнестеблиевской – северную (Комар А.В., 2000, с.139).

** Перечень “мнений” о принадлежности перечисленных комплексов может быть очень длинным. Мы сознательно ограничиваем его ссылками на последние работы, где есть их сравнительный анализ.

*** Введение А.В.Богачевым конструкции “Перещепина – Шиловка” вносит лишь путаницу в и без того перенасыщенную горизонтами хронологию VI-VII вв. Она не более, чем указание на то, что автор синхронизирует давно известный памятник с вновь открытым.

сятся, по его хронологической схеме, комплексы Портовое, Новые Санжары, Верхнечирюртовский курган 17, Директорская горка, п.1-5. Весь горизонт он датирует 2-й пол.VII в. (Багаутдинов Р.С. и др., 1998). К кон.VII в. отнесла А.Т.Смиленко памятники “перещепинского круга”, в которые она включила и Вознесенку (Смиленко А.Т., 1975, с.103-118).

Нерешенной или неаргументированной представляется и такая сторона вопроса преемственности культур или их дискретности (со всеми возможными историческими нюансами), как соотносительность ранних комплексов донских курганов, которые, как предполагается, синхронны Вознесенке, и основных подкурганных захоронений внутри квадратных ровиков (“соколовский тип”). Ранними хазарскими А.И.Семенов называет помимо Романовской (1884 г.), Столбище и Большую Орловку. По хронологии А.В.Комара, все они одновременные (Комар А.В., 1999). Ни один из этих комплексов, датируемых по монетам не ранее 90 г. VII – 20 г. VIII в., не может быть соотнесен с погребением в Соколовской балке, к.11, которое датируется по монетам не ранее 2-й пол.VIII в. (Семенов А.И., 1978), по той простой причине, что неизвестно, существовали ли ровики квадратной формы у курганов, содержащих эти переходные в хронологическом плане комплексы, и каков был обряд погребений, из которых происходит попавший в руки исследователей инвентарь. Для Столбища под вопросом стоит даже то обстоятельство, курганный он или нет (Афанасьев Г.Е., 1987).

В хронологических построениях, касающихся периода 2-й пол.VII – нач.VIII в., столь важного для вопроса становления культуры Хазарии, остается много лакун, поскольку они основаны на разрозненном и малочисленном материале. Периодизация вещей и комплексов представляется пока крайне схематичной и трудно сопоставимой с типами памятников, едва ли не независимой от этнокультурного контекста. Так, между крайне пестрыми комплексами, представляющими по хронологии А.В.Комара горизонты “Перещепина – Вознесенка”, куда вошел, в частности, расположенный на Дону Дорофеевский 13/1 (рис.3, 1), и остальными комплексами, уже обладающими “квадратными ровиками”, появляющимися, как он определяет, лишь в 40 г. VIII в., существует лакуна минимум в 15-20 лет, которую заполняет только комплекс Большая Орловка с неясными чертами обряда.

Констатация существования ранних, датируемых кон.VII – нач.VIII в., погребений классического “хазарского типа” до сих пор носит декларативный характер (Иванов А.А., 2000; Семенов А.И., 1993). При спорах вокруг абсолютной датировки, касающихся их соотносительности с памятниками круга Перещепины или Вознесенки, не подтвержденных публикациями хотя бы нескольких доброкачественных опорных ком-

плексов, ранние датировки курганов “с квадратными ровиками” вызвали справедливые сомнения (Плетнева С.А., 1998, с.95). Упомянутый А.И.Семеновым ранний комплекс из могильника Дорофеевский, к.13 (Семенов А.И., 1985, с.98) представляет собой типичное т. н. “хазарское” подобное захоронение, сопровождавшееся вытянутыми частями коня слева от погребенной, но квадратного ровика под насыпью кургана не было (Круглов Е.В., 1992а). Помимо солидов 602-610 и 613-641 гг. (625 г., по мнению А.И.Семенова), комплекс содержал ранний тип серги с округлым кольцом и зеркало “пелопоннесского типа”, которое датируется не позднее VII в. (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.165).

Недавно частично опубликованы результаты исследований двух курганов с квадратными ровиками с перемычками и подобными захоронениями, сопровождавшимися конскими черепами и костями ног на ступеньке, которые по импортным вещам датируются кон.VII – нач.VIII в. Это Подгорненский-IV к.2 и 14 (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999; Naumenko S.A., Bezuglov S.I., 1996). Находку девяти солидов в к.2, диапазон чеканки которых составляет максимум 24 года, сопровождают позднеасанидская чаша и византийский кувшин, датированный по клеймам сер.VII в*. Если инвентарь, который пока не вошел в публикации, посвященные только импортным изделиям, не противоречит датам монет, то мы будем иметь опорный ранний комплекс рубежа VII-VIII вв. с хорошо сформированными чертами захоронений “соколовского типа”. Конечно, необходима публикация планов и профилей кургана и погребения, а не только краткое суммарное описание, вошедшее в публикации. В кургане 14 погребенного и его коня, помимо двух солидов 651/2-654 и 661-663 гг., сопровождали стремя с восьмеркообразной петлей и наконечник со штампованной бронзовой накладкой, не противоречащие ранней дате комплекса по монетам.

Находка хронологически компактной большой группы датирующих предметов из комплекса Подгорненский-IV, к.2 подтверждает предположение А.И.Семенова о коротком периоде обращения солидов VII-VIII вв. По его заключению, разрыв дат монет в других подкурганных погребениях составил от 6 до 18 лет, и сколько-нибудь значительного запаздывания монет в комплексах в этот период не происходило (Семенов А.И., 1978, 1993).

Еще один, помимо Дорофеевского, полностью опубликованный комплекс – это Саловский-IV, к.2, с квадратным ровиком с перемычками по углам и расположенными внутри него двумя одновременными или близкими по времени погребениями (Парусимов И.Н., 1998, с.17-21, рис.18-24). Он датирован тремя солидами: один 695-698 гг., два 698-705 гг. Фрагментарно сохранилось зеркало “пелопоннесского типа”

* Это солиды: Константина IV, чеканки 674-681 и 681-685 гг. (3 экз.); Юстиниана (4 экз.), чекана 687-692 и 692-695 гг.; Леонтия (2 экз.) 692-698 гг. На кувшине клеймо Константина II – 641-651/2 гг.

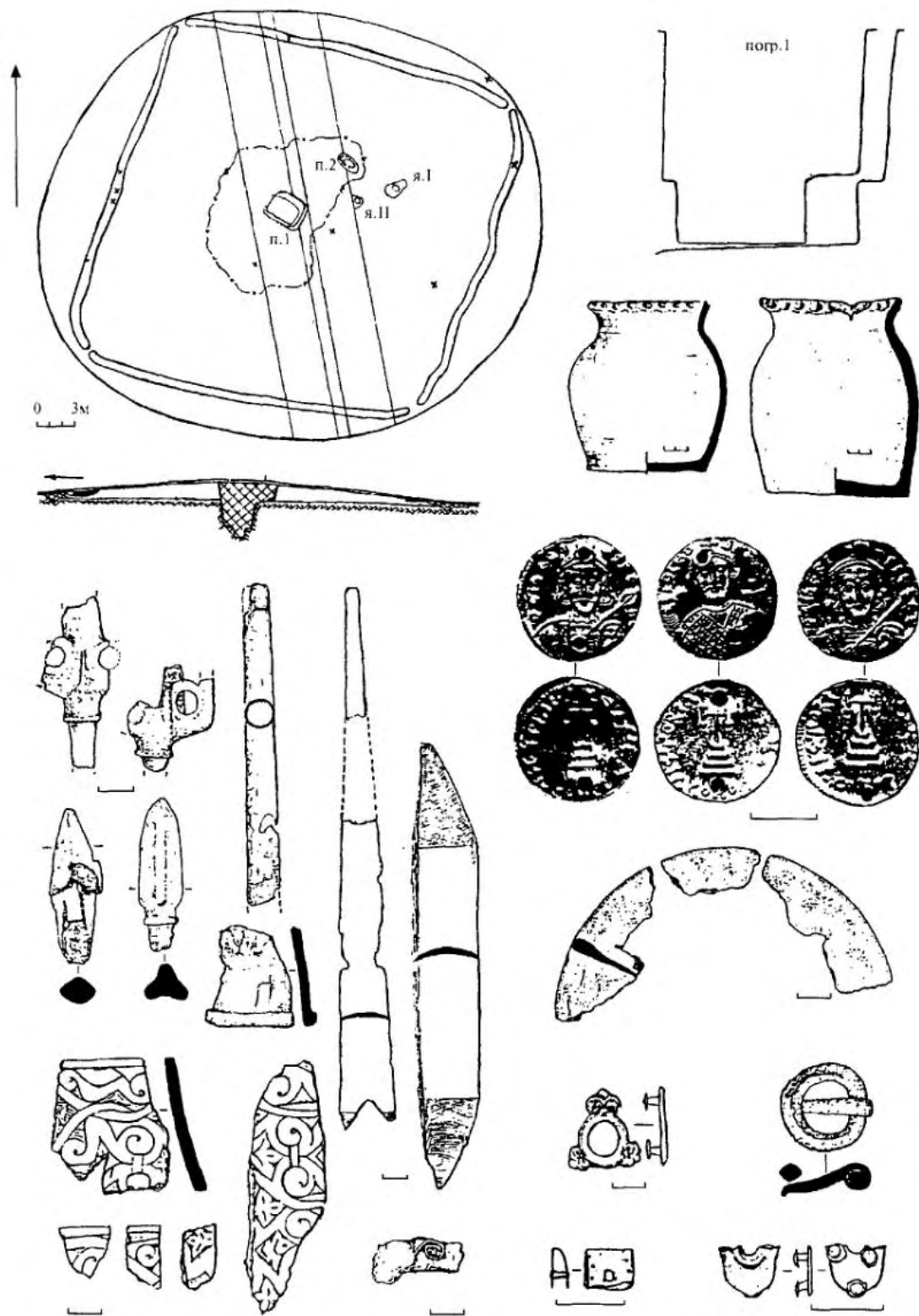

Рис. 4. Саловский IV могильник, к.2, основное погребение 1 (разрушено) с солидами 695-698 и 698-705 гг. (по: Парусимов, 1998).

Fig. 4. Salovsky IV cemetery, b. 2, the main interment 1 (destroyed) with solidi of 695-698 A.D. and 698-705 A.D. (according to Parusimov, 1998).

Abb. 4. Gräberfeld Salov IV, Kurgan 2, Hauptbestattung 1 (zerstört) mit Soliden 695-698 und 698-705 (nach: Parusimov, 1998).

Dess. 4. Nécropole de Salovka IV, t.2, inhumation principale 1 (ruinée) avec des solidi des années 695-698 et 698-705 (d'après Paroussimov, 1998)

(рис.4). Остальной инвентарь также не противоречит ранней дате – самое начало VIII в. Но погребения совершены здесь не в подбоях, а в ямах: простой и с заплечиками. Причем погребения, хотя и сопровождаются костями коней и барана, оба – парные, что является исключением для группы “хазарских” подкурганых захоронений. Нехарактерно, хотя и встречается иногда (Иванов А.А., 1999а), и наличие двух одновременных погребений под курганами этой группы.

Можно назвать еще случаи, возможно, ранних, т.е. периода кон.VII – нач.VIII в., абсолютных датировок курганов с “квадратными ровиками”*. Вербовый Лог-IX, к.3: в погребении, которое полностью не опубликовано, находился солид 705-711 гг. (Naumenko S.A., Bezuglov S.I., 1996). В могильнике Кутейская Падь III, на дне квадратного ровика с перемычками, окружавшего курган-кенотаф 7, найден поясной набор, датированный авторами кон.VII – 1-й пол.VIII в. (Гуркин С.В., Бойко А.Л., 1990).

Последний случай сомнителен по той причине, что ориентироваться на датировки, предложенные авторами неопубликованного материала, опасно, т.к. “сегодня в раннесредневековой археологии не существует сколько-нибудь определенных оснований для хронологического членения материалов кон.VII – VIII в. (неволинские, катандинские, деменковские, бруснянские комплексы)” (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.165). Поэтому на данном этапе исследования деление курганов с квадратными ровиками, попадающими именно в этот хронологический диапазон, на более ранние и более поздние, требует особенно жесткой аргументации, которая часто отсутствует. Приведем пример из уже упомянутой статьи С.И.Безуглова и С.А.Науменко об импортах в донских курганах (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999). Исторические построения, предложенные авторами, всецело базируются на монетных находках, датирующая способность которых ими несколько абсолютизируется. Причем, на основании монетных находок сначала выдвигается тезис о частичной синхронизации памятников “перещепинского круга” и донских курганов с ровиками, а затем постулируется их “культурно-хронологическая обособленность от памятников перещепинского круга”, свидетельствующая уже в пользу мнения о тюркюто-хазарской принадлежности донских курганов (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999, с.40, 42).

Неясен также выдвинутый в этой статье тезис о смене погребального обряда в курганах со 2-й пол.VIII в. Если имеется в виду отсутствие квадратных ровиков в курганах: Барановка-I, к.27 и Петрунино-IV, к.7 на Иловле, то его, как и наличие круглого, а не квадратного ровика в Барановке-I, к.13, можно объяснить локальными особенностями обряда северо-восточной периферии, как это делает Е.В.Круглов. При публика-

ции этих курганов он как раз отмечает сходство обрядовых черт с другими хазарскими погребениями. Очевидно, также сходство инвентаря курганов на Иловле с инвентарем других курганов с квадратными ровиками (Круглов Е.В., 1992б) (рис.3, 3).

Даже при высокой датирующей способности солидов VII-VIII вв. невозможно разделить подкурганые погребения на хронологические группы без разработки их относительной хронологии. Такие попытки уже предпринимаются (Иванов А.А., 1999б; Комар А.В., 1999). Только после хронологизации материала можно будет решать вопрос об эволюции обряда, его смене или вариативности и локальных особенностях. Самые последние разработки в этом направлении принадлежат А.В.Комару. Он, применяя ту же методику выделения хронологических горизонтов, что и А.В.Богачев и И.О. Гавритухин, получает, как уже упоминалось в связи с проблемой хронологии рубежа VII-VIII вв., иные результаты. Относительная и абсолютная хронология рассматриваемых нами комплексов выглядит в его работе следующим образом. К горизонту “Перещепина – Келегеи – Макуховка”, который он датирует 670-705 гг., отнесены комплексы типа Арцибашево (поясная гарнитура с треугольниками из зерни) и погребения с геральдическими наборами, комплексы из Красюковской (Епифаново) и ст.Калининской 30/3 (рис.2, 5). Отметим, что И.О.Гавритухин комплекс из Калининской датирует гораздо более ранним временем, 630-680 гг., относя его к горизонту “кавказско-днепро-дунайских соответствий” (Гавритухин И.О., 1999, с.194).

Следующий горизонт, “Вознесенка”, датируемый 705-725 гг, включает комплексы: Портовое 11/1, Ковалевка II, Калининская 4/10, Ясиново, Романовка, Дорофеевский к.13 (рис.3, 1) и комплексы Глодосы, Новые Санжары, Новогригорьевка м.1.

Горизонт “Галиат – Геленовка” с абсолютной датой 725-740 гг. включает комплекс из кургана у Большой Орловки. Это последний хронологический рубеж предсалтовской эпохи.

Ранний горизонт салтовской культуры, названный А.В.Комаром “Столбище–Старокорсунская”, датируется 740-790 гг. и охватывает основную массу курганых захоронений Подонья, Нижней и Средней Волги. Горизонт делится на три этапа (Комар А.В., 1999).

Сама методика выделения хронологических горизонтов по стилистическим и типологическим особенностям вещевого материала в закрытых комплексах плодотворна как инструмент хронологического членения материала, хотя существенные расхождения в датировках и комплектовании горизонтов у разных исследователей свидетельствуют о еще слабой разработанности этой методики или ее изъянах. Но насколько оправданы попытки исторической интерпре-

* В автореферате диссертации А.А.Иванов относит к I хронологической группе сер.VII – нач.VIII в. 12 комплексов, но не называет их (Иванов А.А., 2000).

тации, основанные на стилистических особенностях инвентаря комплексов, привязки выделенных горизонтов к определенным, упомянутым в источниках событиям и датам и соотношению смены горизонтов с этническими процессами, особенно миграциями? Собственно методика выделения хронологических горизонтов и удобна тем, что позволяет не оперировать абсолютными датами, которые порождают сложности при сопоставлении комплексов различных регионов, поскольку при нестабильности ситуации и неравномерности развития один и тот же стиль, как показал опыт, в разных районах может иметь разную абсолютную датировку. Кроме того, в эпоху "переселения народов" и создания кочевнических государств, изделия одного стиля распространяются очень широко и не имеют четкой привязки к этносам. Помимо частых миграций и связанных с ними взаимовлияний разных культур, немалую роль играло вхождение разнотнических дружин в состав единой армии того или иного каганата, а также Византии и Ирана. И это надо учитывать, поскольку основное число подкурганых захоронений – погребения воинов. "Дары", трофеи, импорт оказывают свое нивелирующее влияние на состав вещевого комплекса. Кроме того, для эпохи раннего средневековья обычна ситуация, когда "всякое новшество, появившееся в ставке кагана, иногда даже в результате работы одного главного мастера (местного или пришлого), получало широкое распространение" (Засецкая И.П. и др., 1979, с.123). При этом изменения в политической сфере, направлении торговых путей, поступление дани, функционирование тех или иных ремесленных центров, снабжавших своими изделиями кочевников, далеко не всегда находятся в прямой зависимости с этническими процессами, протекавшими на рассматриваемой территории. Даже если из письменных источников известно, что в данное время предположительно этот район подвергся завоеванию, то не обязательно произошло полное или даже частичное вытеснение отсюда прежнего населения и расселение значительных массивов пришельцев. Это достаточно общие места, но в современной историографии "болгаро-хазарских войн" даже существенная разница в погребальном обряде отходит далеко на второй план, по сравнению с датирующими предметами вещевого комплекса, в основном, ремешковой гарнитурой.

Исследователи средневековых памятников Венгрии только путем сопоставления большого числа комплексов на весьма ограниченной и гораздо лучше, чем Подонье, изученной территории, научились отличать по некоторым незначительным деталям венгерские погребения от печенежских (Археология Венгрии, 1986, с.333, 334). В нашем же отечественном хазароведении сложилась уже целая традиция прежде всего

привязывать изучаемые комплексы к конкретному историко-культурному контексту, до проведения работы по изданию материалов, сравнению особенностей обряда и инвентаря, датированию, более подробно картографированию выявленных хронологических пластов и отдельных признаков.

В настоящее время попытки приписать "сивашевским", "перещепинским" и "соколовским" по типам погребениям какую-либо этническую атрибуцию и связать их появление или исчезновение с попавшими в письменные источники событиями выглядят, по меньшей мере, крайне смелыми. Возможно, такая дерзновенность мысли связана с малым количеством накопленного материала. В сарматской археологии неоднократно предпринимались попытки выделения известных по письменным источникам племен ("аланы", "роксаланы", "аорсы") по типам погребальных сооружений и другим признакам, доступным археологам. В настоящее время этот подход можно считать пройденным этапом* (Скрипкин А.С., 1982, с.53). В хазароведении мы, видимо, встретимся с аналогичными сложностями: этнонимы "болгары", "хазары", "барсилы" и т.д. могут обозначать различные родственные племена, объединенные одним именем, не имеющим прямого отношения ко всем его составляющим, а разные по происхождению этнические группы – иметь сходную, вследствие нивелировки, погребальную обрядность.

Г.Е.Афанасьев вполне справедливо отмечает, что связь погребений "соколовского типа" с хазарскими этническими группами может быть установлена на основании хронологических рамок и географии распространения (Афанасьев Г.Е., 2001, с.245). И с этим постулатом связаны первые два вопроса.

1. Если брать ареал только основных подбойных захоронений с западной ориентировкой, окруженных квадратными ровиками, исключив более ранние и инообрядовые кочевнические захоронения "хазарского круга", то и тогда ареал оказывается заметно смещенным к северо-западу относительно той территории, которая реконструируется на основании письменных источников (рис.1).

2. Хронологические рамки "соколовского типа", вопреки утверждению Г.Е.Афанасьева, не совпадают полностью с периодом локализации здесь собственно хазарских земель. Поздняя хронологическая группа, по самым осторожным датировкам, не выходит за рамки 1-й пол.IX в. Верхняя дата продлена почти на столетие, по сравнению с датирующими эту группу монетами, на основании хронологии салтово-маяцкой культуры, которая пока слабо разработана (Иванов А.А., 2000). К тому времени, когда в Волго-Донских степях располагался известный по письму царя Иосифа домен, здесь уже не было "хазарских" курганов. Их

* Необходимо признать, что в решении многих проблем, в том числе этнических, хазарская археология значительно отстает от сарматской. Отсюда прохождение этапов и методических поисков, которые в сарматологии уже опробованы и пройдены.

оскудение и исчезновение приходится как раз на то время, когда начинается строительство и функционирование крепостей, маркирующих территорию хазарского домена, в том числе Саркела (Афанасьев Г.Е., 2001).

3. Не ясны истоки данного обряда. Ни в Приморском Дагестане, ни в Нижнем Поволжье пока не обнаружены сколько-нибудь представительные группы погребений, сходных с “соколовским типом”. Единственно близкие по обряду, хронологии и ареалу – это памятники “сивашевского типа”, в меньшей степени – подкурганые захоронения Саратовского Поволжья и Прикубанья, расположенные по западной, северной и южной периферии будущего ареала курганов с квадратными ровиками, слабо заселенного в VII в. Возможно ли связывать появление “сивашевских” погребений с экспансией хазар на запад, если мы не знаем, каков был их погребальный обряд в кон.VI – 1-й пол.VII в.? Было ли вызвано перемещение массы кочевников в последующее время из Северного Причерноморья (“сивашевские” погребения) и Поднепровья (“перещепинский тип”) в Волго-Донно-Маньчский треугольник смещением политического центра Хазарии (Комар О.В., 2000), и связаны ли вообще данные археологические реалии с хазаро-болгарскими взаимоотношениями? Если изменить привычный стереотип реконструкции миграционных процессов с востока на запад и не учитывать довольно шатких построений о неперменной принадлежности памятников “перещепинского круга” хазарским или болгарским правителям*, то вполне можно сопоставить факт смещения группы кочевников, обитавших в VI-VII вв. в Северном Причерноморье, к востоку с миграциями славянских племен на рубеже VII-VIII вв. и картой архаических славянских гидронимов, относящихся к раннему средневековью. Последние охватывают не только ареал волынцевской, роменской и боршевской культур, но и Северное Приазовье в местах расположения “сивашевской группы”, а далее к востоку доходят до северной границы ареала “соколовского типа” (Седов В.В., 1999, рис.3).

4. Изменения в ориентировке и унификацию обряда в VIII в. можно, вероятно, отнести за счет хронологического фактора и процесса консолидации. Но на ориентировку, скорее всего, повлияли изменения в идеологии, т. к. она неестественна для подбойных захоронений, при сооружении которых вход предпочитали располагать с солнечной стороны. Так, позднесарматские подбои с северной ориентировкой имеют вход с восточной стороны, “сивашевские” – с юго-восточной и южной. При перемене ориентировки на западную с сохранением основных черт обряда вход оказывался с северной стороны.

5. Неясно и взаимоотношение носителей захоронений “соколовского типа” с другими группами населения Хазарии. Предположение о том, что они состав-

ляли этническое ядро Хазарии до формирования салтовской культуры в так называемый “досалтовский период” (термин, введенный А.И.Семеновым), может быть поставлено под сомнение. И это зависит не только от спорности нижней хронологической границы “соколовского типа”, но и от датировки салтово-маяцких памятников. В последнее время все чаще появляются данные, позволяющие ставить вопрос об одновременном появлении культуры “курганов с ровиками” и памятников салтово-маяцкого облика от лесостепи до Крыма в кон.VII – 1-й пол.VIII в. (Любичев М.В., 1994; Дегтярь А.К., Любичев М.В., 1997, с.74; Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2000, с.191) и одновременном их расцвете в сер.VIII – нач.IX в. (Аксенов В.С., Михеев В.К., 1998).

Болгарская или преимущественно болгарская принадлежность подкурганых захоронений VI-VII вв. обосновывается в монографии Р.Рашева (Рашев Р., 2000), в ряде статей Р.С.Орлова, А.А.Тортика и др. Мы не станем касаться здесь этих, без сомнения, важных и интересных работ и остановимся на “болгарской” теории поволжских археологов, выдвинутой в результате обнаружения подкурганых захоронений новинковского и уреньского типов на Средней Волге, которые синхронны донским “хазарским” курганам. Г.И.Матвеева объясняет их появление здесь как результат миграционных процессов 3-й четв.VI – кон.VII в. Отдельные группы переселенцев она связывает с районами Предкавказья (Шиловский могильник), но основную массу относит за счет районов Северного Причерноморья и Приазовья. Миграция, по ее предположению, носила массовый характер и была связана с распадом Великой Болгарии под натиском хазар (Матвеева Г.И., 1997, с.90-98). Памятники Северного Причерноморья – Приазовья без конских захоронений (4 группа А.К.Амброза) сопоставляются Г.И.Матвеевой с впускными погребениями новинковских курганов. Чертами, позволяющими проследить их генетическое родство, являются: узкие ямы, иногда заклады из камней, поза погребенных и их ориентировка на восток, северо-восток, реже запад, бедность погребального инвентаря, состоящего из железных пряжек, наконечников стрел, рыболовных крючков. Поскольку в могильниках новинковского типа погребения, аналогичные 4 группе А.К.Амброза и “сивашевскому типу”, встречены под одной насыпью, то Г.И.Матвеева предполагает их однокультурность, относя разницу в обряде за счет социального статуса. В этом ее взгляды совпадают с выводами А.В.Ивченко (Ивченко А.В., 1999) о северопричерноморских захоронениях VI-VII вв.

В построениях Г.И.Матвеевой нельзя не отметить некоторые натяжки. Памятники “сивашевского типа” имеют очень незначительное число аналогий среди погребений новинковских курганов. В качестве них приводятся материалы могильника Новинковского-

* Смотреть, например, критику: Львова З.А., 1995.

П 13/3-5; 14/6. Аналогии, на наш взгляд, довольно далекие (рис.5, 6). Оба кургана окружены кольцевыми ровиками – особенность, сближающая их с северопрichernоморскими курганами (Ивченко А.В., 1999), но под насыпью одного кургана найдено пять, а другого – шесть синхронных погребений, что совершенно не характерно для сравниваемых с новинковскими курганов, как и каменные наброски на курганных насыпях. Несмотря на наличие ступенек и в одном случае неглубокого подбоя-ниши, захоронений взнузданных и оседланных целых остовов коней или их чучел на ступеньке не было. Отдельные кости встречались только в насыпи. В одном из погребений на “ступеньке” справа находился разрозненный скелет второго погребенного (Новинки-II 13/3). Вполне справедливо рассматривать это погребение как состоящее из двух ям, а не как погребение со ступенькой (Багаутдинов Р.С., 1998, с.59). Такие яркие черты неволинских курганов, как каменные наброски, коллективность захоронений, формы могил в виде неглубоко впущенных в материк ям с одной или двумя покатыми стенками, – слишком своеобразны, чтобы предполагать их прямое родство с причерноморскими погребениями. Кроме того, ни для “сивашевских”, ни для более поздних “соколовских” погребений не отмечается преднамеренная потревоженность скелетов, широко распространенная в могильниках новинковского типа, а также в могильнике Брусяны-II (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.8). Предположение Г.И.Матвеевой, что ступенька без конского скелета предназначалась для чучела коня, – только предположение, не могущее служить основанием для приравнивания к обряду таких захоронений, как Виноградное (рис.2, 4), Костогрызово, Сивашевка, Сивашское, Портовое.

Малоубедительно уравнивание обряда положения коня на ступеньке или перекрытии с обрядом помещения коня в насыпи кургана или под ней на дневной поверхности и предложенное в книге Р.С.Багаутдинова, А.В.Богачева и С.Э.Зубова объяснение данного факта как трансформации обряда при переходе от впускных погребений к стационарным подкурганым могильникам, в которых “обрядовые моменты можно было расщепить, поскольку в данном случае самостоятельной единицей была уже не могила, а курган в целом” (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.170). При переходе к стационарным могильникам и основным погребениям в Волго-Донских степях такой трансформации не наблюдалось, а нахождение конских костей в насыпях или в ровиках дополняло сопровождение конем во входной яме или на перекрытии (Власкин М.В., Илюков Л.С., 1990; Парусимов И.Н., 1998, с.12-16).

Приведенное этими же авторами сравнение с предшествующими по времени новинковскому типу впускными погребениями Восточного Приазовья (Атавин А.Г., 1996), сильно отличающимися от “сивашевского типа” погребений, приводит их к предположению, что миграция на Среднюю Волгу, вероят-

но, шла из Приазовья. Они также прослеживают “алтайскую струю” в облике материальной культуры подкурганых захоронений Поволжья и связывают приход кочевого населения с миграциями тюркских племен, потерявших политическую ориентацию после развала I Тюркского каганата. Передвижение этих племен по степям Восточной Европы фиксируется комплексами горизонта Перещепина – Шиловка. Именно в эту эпоху, после смерти хана Кубрата (641-650 гг.), произошла миграция праболгар, в которой приняли участие и алтайские тюрки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.170).

При всей привлекательности данной гипотезы ее археологическая аргументация представляется недостаточно проработанной. Прежде всего, это, как и у Г.И.Матвеевой, акцентировка общих черт обряда, состоящих в сходстве ориентировки (восток, северо-восток) и позы (вытянуто на спине) погребенных. В целом, близка и форма могил: неглубокие подпрямоугольные ямы. Но в отношении обычной положения жертвенной пищи, слабо представленном в новинковских памятниках, и характере сопровождения конем различия слишком существенны. Особенно при учете принятой авторами гипотезы и отсутствия серьезного хронологического разрыва между сравниваемыми группами памятников: Восточное Приазовье – 2-я треть – 3-я четв.VII в., погребения с северо-восточной ориентировкой в Поволжье – 2-я пол.VII – 1-я пол.VIII в. (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.169). Все погребения Восточного Приазовья сопровождалась шкурами коней, в одном случае его заменила коза. В новинковских курганах – могила с останками коня всего 7%, и это, как правило, черепа и конечности жеребят, а взрослые особи найдены только в двух могилах (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.53).

Сходство с приазовскими памятниками, приписываемым населению Великой Болгарии, – только одна сторона обоснования болгарской принадлежности курганов новинковского типа. Другая, которую развивает Г.И.Матвеева, – сходство черт обряда с более поздними болгарскими памятниками, как в Поволжье, так и в Подонье, и на Дунае: Больше-Тарханский, Танкеевский, Нетайловский, Нови-Пазарский и др. могильники. Эпизодически на болгарских могильниках встречаются каменные обкладки и наброски из камней, подбойные могилы, могилы со ступенькой в продольной стенке, восточная и северо-восточная ориентировка, наличие конских костей. Общим почти для всех раннеболгарских могильников является: большая роль огня при захоронении, обряд обезвреживания покойников, наличие костей мелкого рогатого скота, основные категории погребального инвентаря. Особенно важно не только сходство перечня категорий, но и типологическое сходство с керамическим и вещевым комплексом памятников салтовомаяцкой культуры: “создается впечатление, что вещевой комплекс, характерный для нее, в основном, сложился уже в кон.VII в.” (Матвеева Г.И., 1997, с.96). Да-

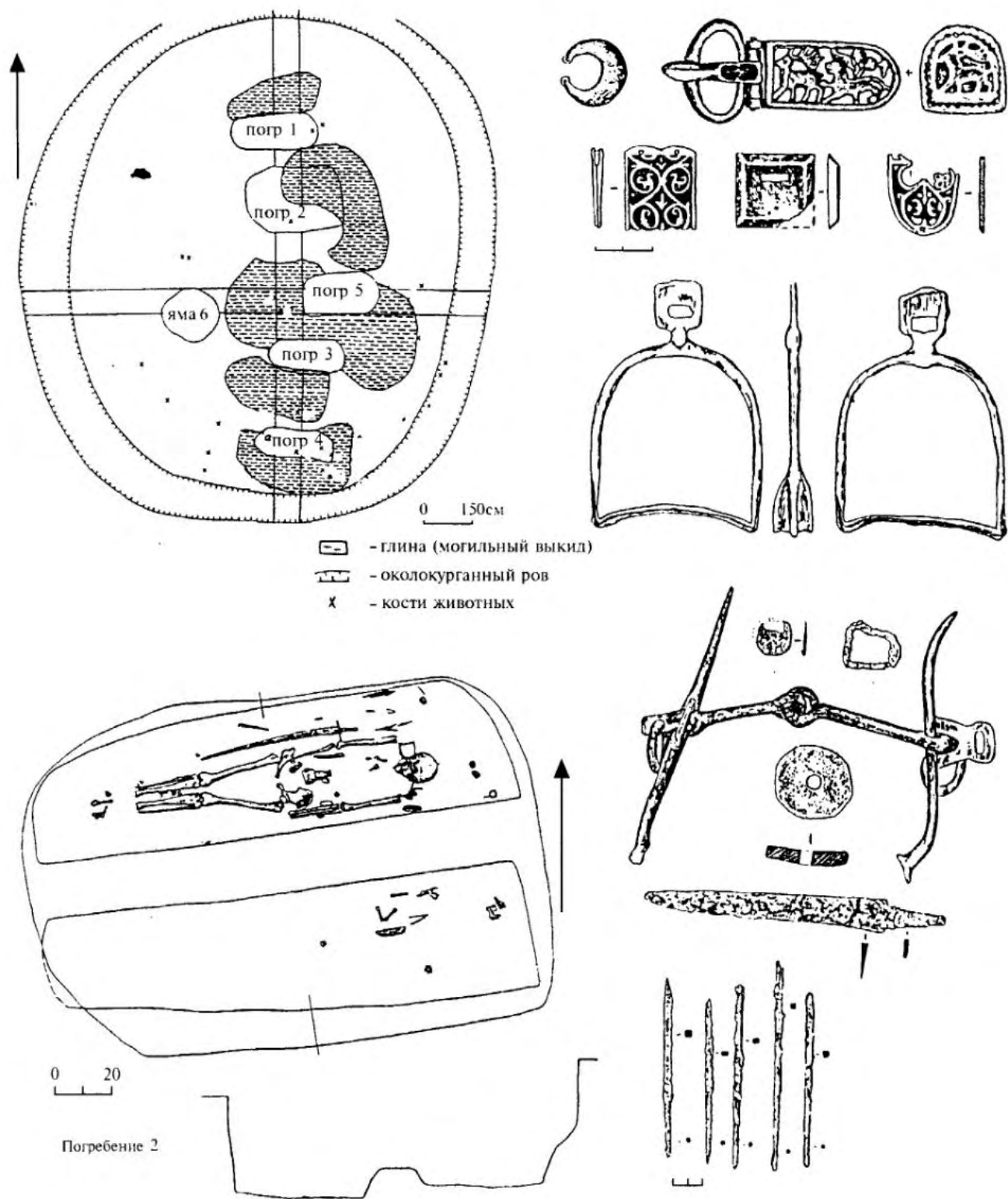

Рис. 5. Новинковский II могильник, курган 13 (по: Матвеева, 1997).
 Fig. 5. Novinkovsky II cemetery, barrow 13 (according to Matveyeva, 1997).
 Abb. 5. Gräberfeld Novinki II, Kurgan 13 (nach: Matvejeva, 1997).
 Dess. 5. Nécropole Novinki II, t.13 (d'après Matvééva, 1997)

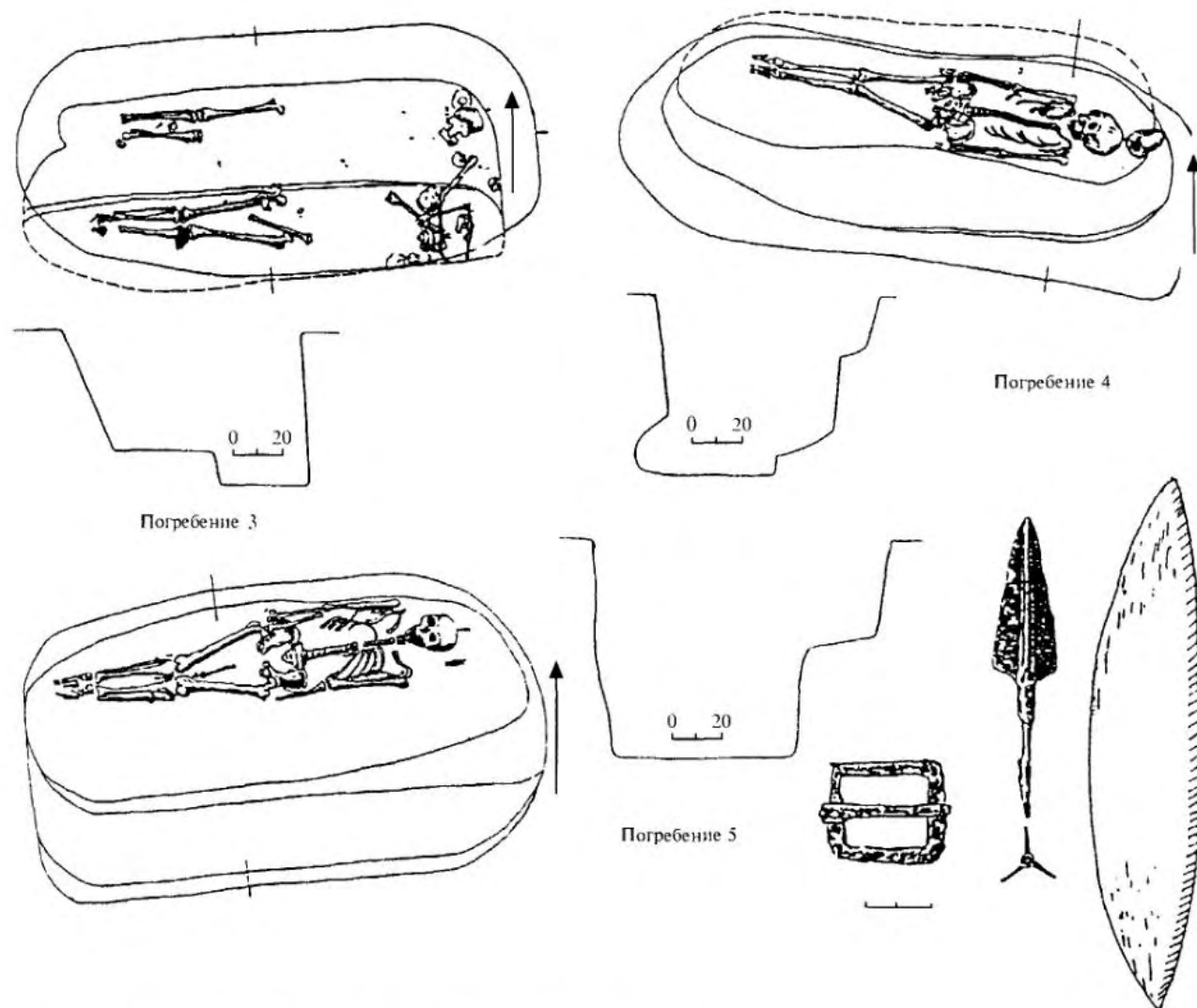

Рис. 6. Новинковский II могильник, курган 13 (по: Матвеева, 1997).
 Fig. 6. Novinkovsky II cemetery, barrow 13 (according to Matveyeva, 1997).
 Abb. 6. Gräberfeld Novinki II, Kurgan 13 (nach: Matvejeva, 1997).
 Dess. 6. Nécropole Novinki II, t.13 (d'après Matvééva, 1997)

лее, по мнению Г.И.Матвеевой, прослеживается только хронологическое различие, особенно ярко выраженное в формах ременной гарнитуры.

Е.П.Казаков, в отличие от Г.И.Матвеевой, А.В.Богачева, Р.С.Багаутдинова, С.Э.Зубова и других исследователей новинковских курганов, не считает возможным признать их преемственность с раннеболгарскими памятниками типа Кайбельского, Большетарханского или Танкеевского могильников. Основной аргумент – отсутствие сходства с салтово-маяцкой культурой и “неболгарский” облик, к чертам которого он отнес: каменные выкладки, применение мела (это ошибочный аргумент, что отмечено Г.И.Матвеевой), восточную ориентировку, отсутствие салтовской керамики. Время миграции болгар в Поволжье Е.П.Казаков относит к сер. – 2-й пол. VIII в. (Казаков Е.П., 1999, с.64, 65).

Наибольший интерес для сравнения представляют не курганы новинковского типа с каменными на-

бросками в насыпи и круглыми в плане ровиками, а курганы т. н. “уреньского типа” с земляными насыпями и ровиками разнообразных, в том числе квадратной и прямоугольной, форм (рис.7). К моменту издания книги “Праболгары на Средней Волге” таких курганов насчитывалось всего восемь. Авторы склонны интерпретировать их как однокультурные с комплексами новинковского типа и синхронные им. Разница в обряде объясняется более высоким социальным статусом погребенных в курганах с ровиками. Хотя авторы и отмечают близость обряда и инвентаря этих курганов донским, и даже предполагают, что Подонье – исходный пункт миграции 2-й пол. VII в. в Поволжье, но считают, что однозначно вопрос о связи курганов с ровиками с хазарами решить нельзя, а уреньские курганы причисляют к раннеболгарским (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.80, 171).

Е.П.Казаков, отвергая болгарскую принадлежность новинковских курганов, относит к раннебол-

гарским подкурганые погребения в Ульяновском и Самарском Заволжье: Кайбельский, Уреньский II и др. могильники, большинство захоронений которых "мало чем отличается от основной массы большештарханских. Они также совершены в простых ямах, сопровождаются характерным инвентарем салтовского облика, в том числе специфическими круговыми сосудами и лепными горшками" (Казаков Е.П., 1999, с.66). Но среди них он выделяет ряд погребений, окруженных рвами, которые связывает с хазарами (Казаков Е.П., 1999, с.67).

В чем же конкретно проявляется отмеченное поволжскими археологами "очевидное сходство" средневожских и сальско-маньчских курганов с земляными насыпями? Упоминаются, прежде всего, рвы. Затем последующее возведение насыпи со следами поэтапного погребально-поминального ритуала, широкое использование в обряде коней и овец, использование огня (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.83, 172), усложненная конструкция ям, в том числе подбой, сходные типы керамики, в том числе кувшины с многорядной волной и налепами (Казаков Е.П., 1997, 1999).

Прежде всего, для широких панорам исторического характера слишком мало материала. Если исключить из рассмотрения Шиловский курган 1, который и по дате, и по типу выпадает из ряда сравниваемых комплексов, то остается всего три кургана с ровиками квадратной формы и один с прямоугольным рвом, выходящим далеко за насыпь, которые можно рассматривать по этому признаку, как аналогии волго-донским (рис.7). Причем последний содержал погребение в круглой яме на подиуме, а целый остов коня был уложен на выкиде из могилы, перекрытой накатником из бревен. Такие черты обряда аналогий в донских материалах не находят. Неизвестны в Подонье и дополнительные погребения рядом с насыпью кургана, окруженные рвами, подобные Старомайскому-1, 1/2 и Урень-II, 2/2. У средневожских квадратных и прямоугольных ровиков неизвестны столь характерные для донских курганов перемычки по углам. Типичных для хазарских курганов подбойных погребений с конем на ступеньке и даже ям с заплечиками в курганах уреньского типа нет. Самая близкая аналогия – комплекс Урень-II, 4/2 – содержит захоронение конского и коровьего черепов и конечностей на ступеньке (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.1, 8). Но подбой сооружен не над человеческим захоронением, как в хазарских курганах, а над ступенькой с конскими и коровьими костями (рис.7, 8). Из-за разрушенности погребений нет возможности провести сравнение поз и ориентации погребенных, места инвентаря и напутственной пищи в могилах.

Что касается керамики, которую Е.П.Казаков связывает с хазарским влиянием, то как кувшин салтово-маяцкого типа, так и "хазарский" кувшин из комплекса Урень-II, 4/1, аналогичный найденному в Кривой Луке XXVII, к.5, являются характерными не для донских, а для поволжских памятников. Аналогии им происходят из Большештарханского и Танкеевского могильни-

ков, что хорошо проиллюстрировано в статье самого Е.П.Казакова (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.II, 1; Казаков Е.П., 1997, 1999, рис.2). Скорее можно предполагать влияние средневожских гончарных центров на нижневожский керамический комплекс, и за счет этого относить появление кувшина с многорядной волной и налепами в кургане на Кривой Луке, что вполне возможно при наличии единой водной артерии.

Для определения направления культурного влияния или миграции, хотя в отношении последней поднимать вопрос не совсем корректно из-за незначительного сходства обрядовых черт, необходимо точное датирование как памятников уреньского типа, так и памятников типа Кривой Луки. Пока датировки слишком противоречивы. Р.С.Багаутдинов, А.В.Богачев и С.Э.Зубов датируют земляные курганы как и новинковские кон. VII – VIII в. Е.П.Казаков склонен считать их более поздними, чем к.5 Кривой Луки, и относит к IX в. (Казаков Е.П., 1997, с.63, 64). Наиболее поддающимся датировке является комплекс Брюсяны-III, 1/1. Датирование его проведено А.В.Богачевым по предметам ремненной гарнитуры, соответствующим неволинской стадии неволинской культуры, датируемой кон. VII – VIII в., и по другим аналогиям с теми же датами и представляется вполне убедительным (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.164). Не противоречат дате и амфоры, найденные в погребениях Урень-II, к.4 (Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995, класс 24). По схеме А.В.Комара к.5 Кривой Луки XXVII датируется в рамках 770-790 гг. (Комар А.В., 1999).

С салтово-маяцкими памятниками Е.П.Казаков соотносит захоронение Шиловского кургана 1, датируемого его публикаторами 2-й пол. VII в. (Багаутдинов и др., 1998, с.155; Казаков Е.П., с.62). Сравнение шиловского погребения с катакомбами лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры представляется не вполне обоснованным. При публикации форма могильной ямы получила определение как катакомба (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.184, 185), и истоки населения, оставившего Шиловские курганы, авторы тоже предлагают искать на Северном Кавказе, но не среди аланского, а среди праболгарского, пришедшего вместе с гуннами населения (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.171). Между тем, конструкция шиловской катакомбы сильно отличается от салтово-маяцких.

Дромос, хорошо развитый как в салтово-маяцких, так и в северокавказских катакомбах, здесь отсутствует, а скелет коня ориентирован перпендикулярно входу в камеру в яме грушевидной формы. Комплекс Шиловка 1/2 – уникален и не имеет прямых аналогий. Р.С.Багаутдинов, хотя и осторожно, но проводит мысль о принадлежности погребения болгарскому аристократическому роду, пришедшему после поражения в войне с хазарами на Волгу. Предполагается, что этот род жил на Кавказе, в районе Дагестана и, возможно, участвовал в войнах Ирана и Византии в составе дружин западнотюркского кагана. Два основных аргумента в пользу этого предположения: сход-

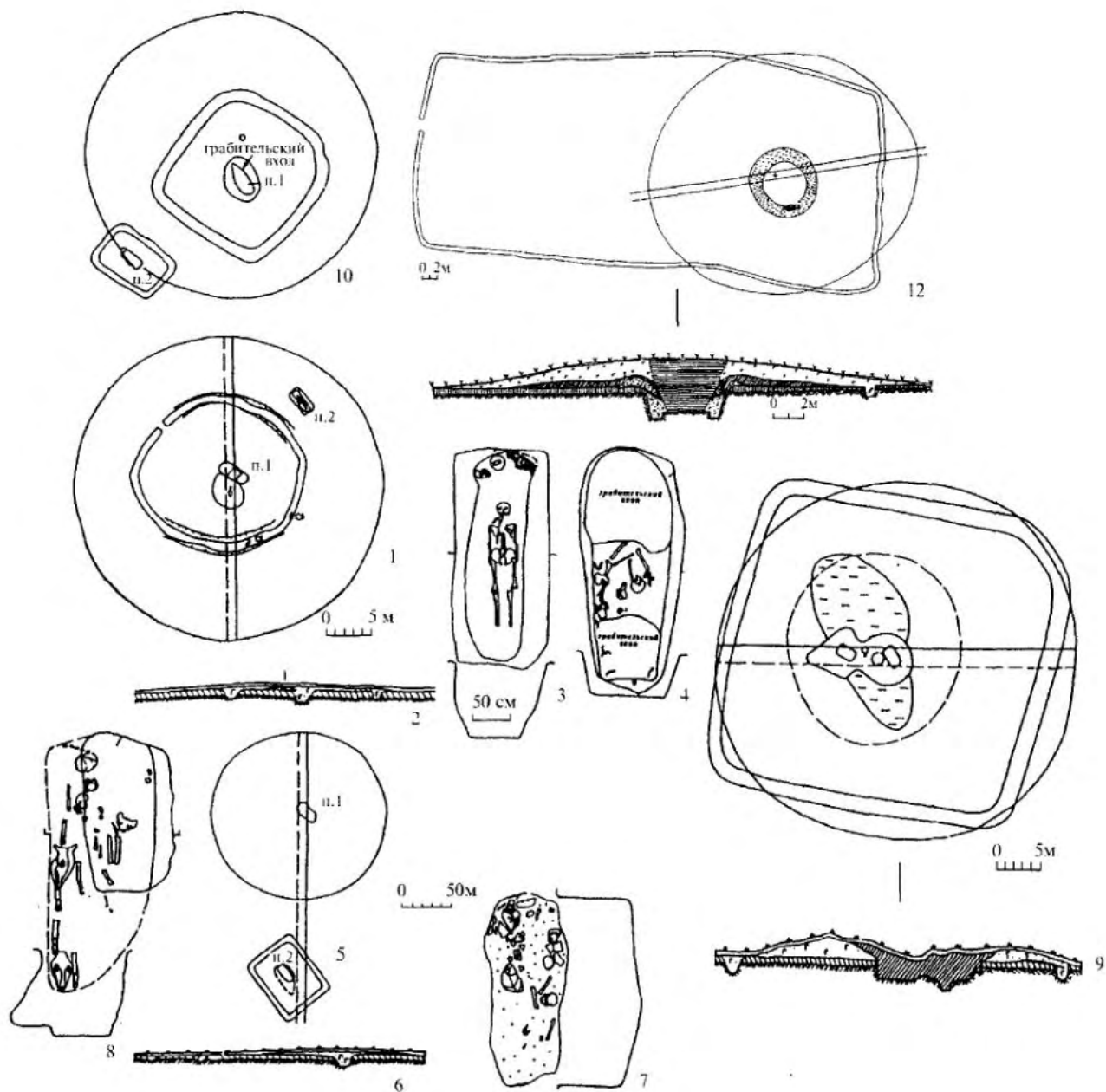

Рис. 7. Курганы "уреньского" типа: 1-4 – Урень II, к.2; 5-8 – Урень II, к.4; 9 – Урень II, к.3; 10 – Старомайский I могильник, к.1; 12 – Брусяны III, к.1 (по: Багаутдинов и др., 1998).

Fig. 7. "Uren"-type barrows: 1-4 – Uren II, b.2; 5-8 – Uren II, b.4; 9 – Uren II, b.3; 10 – Staromainsky I cemetery, b.1; 12 – Brusyany III, b.1 (according to Bagaudinov et al., 1998).

Abb. 7. Kurgane des "Uren"-Typs: 1-4 – Uren' II, Kurgan 2; 5-8 – Uren' II, Kurgan 4; 9 – Uren' II, Kurgan 3; 10 – Gräberfeld Staromajnsk I, Kurgan 1; 12 – Brusjany III, Kurgan 1 (nach: Bagaudinov u.a., 1998).

Dess. 7. Tumulus du type "Ouren": 1-4 – Ouren II, t.2; 5-8 – Ouren II, t.4; 9 – Ouren II, t.3; 10 – nécropole de Staromaïnka I, t.1; 12 – Broussiany III, t.1 (d'après Bagaoutdinov et alii, 1998)

ство обряда с катакомбами Чир-Юрта, на самом деле не очень “комплексное”, и изображение на костяных пластинах, также, по мнению автора, сходных с Чир-Юртовскими*.

Нельзя не согласиться с авторами книги “Праболгары на Средней Волге”, что необходимо провести сравнение сопоставимых количественно групп подкурганых захоронений с разных территорий для установления исходного района миграции, и что в настоящее время такое сравнение затруднено отсутствием в евразийских степях “сколь угодно” крупного пласта кочевнических памятников VII в.” (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.169). Для такого сравнения, которое, на наш взгляд, должно быть основано, прежде всего, на деталях обряда, а не на сходстве типов металлического инвентаря, надо иметь более ясные данные о кочевнических погребениях VII-VIII вв., позволяющие провести аналитическую обработку материала на современном уровне. Полноценность, а главное, проверяемость сравнительного анализа групп погребений возможна только при публикации комплексов с обязательными планами и разрезами погребальных сооружений, “читаемыми” чертежами погребений, рисунками и описанием вещей и керамики, антропологическими и палеозоологическими определениями. Составленные по отчетам табличные данные не только трудоемки, а часто и недоступны для проверки, но и обычно страдают неполнотой, неточностью и субъективностью заложенной информации. Кроме редкой встречаемости, подкурганые захоронения отличаются большой вариативностью обряда, часто потревожены в древности или найдены случайно. В настоящее время подготовлены для сравнительного анализа только материалы курганов Средней Волги (Багаутдинов Р.С. и др., 1998; Матвеева Г.И., 1997). Дробная таблица признаков для описания погребального обряда, предложенная в книге “Праболгары на Средней Волге”, состоит из 70 столбцов, но она совершенно недостаточна для сравнительного анализа при сопоставлении новинковских захоронений как с прикубанскими, так и с волго-донскими и северопрichernоморскими. Потребуется введение целого ряда первостепенной важности признаков, разграничивающих впускные и основные погребения и обозначающих наличие нескольких основных погребений под одной насыпью, последние в Поволжье составляют более половины известных памятников новинковского типа. Кроме того, более дробной градации потребует само предложенное описание: формы подбойных могил, ступенька подбоя справа или слева, ровик круглый, квадратный, прямоугольный, сколько и где перемычек и т.д., какие именно кости коня положены в могилу, где лежат кости жертвенных животных и ритуальная пища, кости каких животных найдены, наличие или отсутствие заклада и гробовища. При сравнении с волго-донскими

курганами необходимо уточнение формы, размера и стратиграфии курганной насыпи и описание ситуаций находок в насыпи и во рву. Потребуется расширить список, относящийся к характеристике погребального инвентаря.

Вряд ли после проведения этого сравнения будет удовлетворен “критерий локальности”, требующий, чтобы весь комплекс признаков культуры исходного и конечного пункта миграции совпадал (Клейн Л.С., 1973). Кроме того, следующий предложенный Л.С.Клейном “критерий стыка” сократит и без того незначительное для статистических подсчетов количество полноценного сравниваемого материала. Для удовлетворения этого критерия необходимо временное совпадение сравниваемых феноменов, что потребует датировать каждый отдельный комплекс, поскольку мы имеем дело не с поселенческой культурой, а с кочевническими захоронениями, разбросанными по степи. При современном состоянии хронологии точно продатировать безмонетный комплекс со скудным инвентарем невозможно. Даже общая широкая датировка локальных групп памятников, близких по обряду, вызывает разногласия.

Гипотеза о миграциях не может иметь однозначного решения, потребуется уточнение: имеем ли мы дело с военной миграцией, массовым переселением племен или медленной инфильтрацией. Не может ли смена обрядовых черт, таких, как положение в могилу коня, изменение ориентировки, наличие или отсутствие керамических сосудов, а тем более смена стиля поясной гарнитуры, типов стрелкового оружия и украшений являться следствием не миграций, а синхронного процесса, происходящего у разных племен кочевников под влиянием изменения идеологических представлений и моды? Военные миграции, инфильтрация нового населения и смена политического господства играли в этом процессе роль катализатора, которую, однако, не стоит переоценивать при построении гипотез об этническом родстве носителей частично схожих археологических культур. Например, в VII в. для подкурганых погребений Поволжья, Северного Причерноморья, Восточного Приазовья и Подонья характерна ориентировка в северо-восточный сектор, но типы погребений при этом различаются довольно сильно. В VIII в. и в Поволжье, и в Подонье-Приазовье погребенных предпочитают ориентировать на запад, но при этом различия в типах погребальных сооружений еще более ощутимы. Или конские захоронения, сопровождающие умершего. Они также появляются повсеместно, но разница в способе захоронения коней не дает, строго говоря, основания предполагать миграцию в Поволжье из Восточного Приазовья или Подонья.

Раннесредневековые подкурганые захоронения Поволжья, открытые в процессе крупномасштабных

* Подробнее о втором аргументе как источнике по определению этнокультурной принадлежности погребения в Шиловском могильнике см.: Флёрва В.Е., 2001б.

раскопок, предпринятых в 20-40 гг. XX в., первоначально признавались всеми исследователями позднесарматскими. Эта точка зрения выражена в специально посвященной раннесредневековым погребениям Нижнего Поволжья статье Е.К.Максимова (Максимов Е.К., 1956, с.65-85). Не отрицая роли гуннов, увлекших, по его мнению, на запад большую часть местных племен, и происходившие под влиянием инфильтрации тюркоязычных народов изменения в антропологическом типе и составе вещевого комплекса Е.К.Максимов утверждает, что как обряд погребения, так и могильный инвентарь позволяют проследить “непрерывную линию развития сарматской культуры в степях Поволжья вплоть до VII-VIII вв. н.э.” (Максимов Е.К., 1956, с.81).

В его статье анализируется небольшой и разнородный материал с огромной территории от лесостепной зоны до Калмыкии и от Дона до Приуралья. Обряд также разнообразен: подкурганые труположения, подкурганые трупосождения, грунтовые погребения. Все они признаются позднесарматскими.

Для подкурганых труположений автор определяет следующие черты обряда, аналогичные более ранним сармато-аланским погребениям Поволжья: 1) преобладание впускных погребений; 2) глубокие узкие входные ямы с подбоем в северо-западной стенке, т.е. при ориентировке на северо-восток, реже север и северо-запад, вход располагался слева от погребенного. Размеры ям аналогичны позднесарматским; 3) деформация черепов наблюдается, но реже, чем в позднесарматское время; 4) общие черты инвентаря: сложный лук с концевыми и срединными накладками, железные черешковые наконечники стрел, кинжалы, длинные мечи; украшения, обычные для сармат: бусы, браслеты, серьги, вещи со вставками из камней. В керамике прослеживается генетическая связь с керамикой предшествующего времени; редкость помещения, начиная с III в. н.э., керамики в погребения.

Трансформация обряда выразилась в следующем: 1) исчезает меловая подсыпка; 2) редко встречается уголь в погребениях; 3) реже кладется заупокойная пища – мясо барана*; 4) в погребениях II-IV вв. встречаются только удила и отдельные кости коня, а в V-VIII вв. роль коня заметно возрастает: в мужских и женских погребениях на ступеньках входных ям помещают голову и ноги с копытами.

Упомянутые в тексте статьи и нанесенные на иллюстрирующую ее карту подкурганые захоронения позднее были разделены Е.В.Кругловым на раннесалтовские погребения “перещепинского круга” (Зиновьевка, Иловатка, Бережновка, юго-западная группа, 1/7), погребения авиловского типа (Бородаевка, к.9, Авилово-I, к.1) (рис.2, 3) и более поздний хазарский комплекс “Три Брата”, к.18 (Круглов Е.В., 1990а, 1990б). Авиловские памятники Е.В.Круглов датирует кон.VII

– нач.IX в., генетически увязывая их с комплексами II и III групп А.К.Амброза, и предполагает их принадлежность к угорским памятникам, находя сходные черты с кушнарковскими захоронениями и древневенгерскими памятниками Подунавья. Ареал авиловских памятников охватывает русла Иловли, Иргиза, право- и левобережье Волги. В число памятников этого типа Е.В.Круглов включил также курган 1 у Абашево недалеко от Самарской Луки, имеющий округлый ровик.

Перечисленные построения Е.В.Круглова вызывают сомнения. Из семи пунктов, характеризующих специфику авиловского обряда, типобразующими могут служить только пункты 4 – положение умершего головой на север, северо-запад, северо-восток, и 5 – сопровождение погребенных шкурами животных при отсутствии в погребениях удил и седел. Такие признаки, как сочетание впускных и основных захоронений, расположение входа (ступеньки) слева от погребенного, применение органических и меловых посыпок, гробов, колод, перекрытий, закладов из дерева, наличие угля, золы и кострищ, а также антропологические определения, фиксирующие черепа с признаками европеоидности и монголоидности и встречающуюся деформацию черепов, – не являются чем-то специфическим, “авиловским”, и характерны для подкурганых захоронений как “сивашевского”, так и “соколовского” типов.

Относительно ряда заволжских комплексов, которые Е.В.Круглов на основании вышеперечисленных особенностей обряда причисляет к авиловскому типу (Калиновка 28/2, Политотдельское 1/1), С.А.Плетневой высказывалось мнение о принадлежности их праболгарам IX в. (Плетнева С.А., 1999, с.201). Абашевский курган 1 с кольцевым ровиком Е.П.Казаков связывает с хазарским компонентом и рассматривает его как связующее звено между средневолжским уреньским типом земляных курганов с ровиками и волгодонской группой типа Кривой Луки-XXVII, к.5, и комплексами, открытыми в Кировском, Романовском, Терновском и др. могильниках (Казаков Е.П., 1997, 1999).

Следует заметить, что погребение кургана 1 в Абашевском могильнике совершенно разрушено, конфигурация погребального сооружения, “яма неправильной формы”, несопоставима ни с ямными, ни с подбойными типами погребений. Ровик вовсе не напоминает те редкие находки кольцевых ровиков, которые известны в Подонье. Он широкий — 2,5-3,0 м при глубине 0,6 м (Васильева И.Н., 1979, с.215). Такой же широкий, но помельче ров известен в урочище Гува в Калмыкии у кургана 8 с подбойным захоронением VIII-IX в. (Шнайдштейн Е.В., 1979, с.60). На нем сходство с хазарскими погребениями с ровиками заканчивается.

* Более поздние исследования поволжских курганов привели к заключению о характерности для них положения кусков баранины и существованию меловых посыпок и угля (Круглов Е.В., 1990б).

Трудности дифференциации материала по особенностям погребального обряда и инвентаря, столь заметные при сравнении перечисленных выше мнений о принадлежности одних и тех же комплексов, вызваны не только плохой опубликованностью и слабой изученностью накопленного материала, но и сходством основных черт обряда всех восточноевропейских кочевников. Схожесть черт погребального обряда затрудняет дифференциацию не только внутри синхронного материала, но и при разграничении погребений хазарского и печенежского времени. При отсутствии хорошо датированных типов вещей, небольшим количестве заупокойной пищи, западной ориентировке, наличии коня слева от захоронения в подбое, погребение хазарского времени вполне может быть отнесено к печенежскому кругу памятников (Федоров-Давыдов Г.А., 1984, с.93, 94). Поскольку источники упоминают “хазарских печенегов”, то периодически в литературе появлялись попытки связать ряд погребений, обладавших (иногда не в полном составе) перечисленными чертами, с группами печенегов, проникавших из Заволжья еще до разгрома Хазарии, в течение VIII – нач.Х в. (Мошкова М.Г., Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., 1972; Красильников К.И., 1978; 1990; Федоров-Давыдов Г.А., 1984; Ларенок П.А., 1998).

За сходством обряда может стоять этническая близость групп кочевников, оставивших подкурганые захоронения с подбоями, или общность социальных процессов, определивших черты особой “дружинной” или “всаднической” культуры. Но нельзя исключать также нивелирующей роли субстрата. Для района Саратовского Поволжья его попытался выявить Е.К.Максимов. В последнее время вопрос о позднесарматском субстрате ставился С.М.Васюткиным, но уже для более южных памятников Северо-Западного Прикаспия (Васюткин С.М., 1988).

Оценка присутствия в археологическом материале раннесредневековых памятников черт, генетически связанных с позднесарматским миром, во многом зависит от того, как будет определено в конечном итоге значение нашествия гуннов в этно- и культурогенезе восточноевропейских степей.

По мнению И.П.Засецкой, гуннское нашествие истребило целые народы и культуры, в том числе сармато-аланские племена южнорусских степей (Засецкая И.П., 1994, с.160). Оно оставило особо заметный след в оформлении убранства всадника и его коня, повлияло на увеличение роли коня в погребальном ритуале (Засецкая И.П., 1986, с.104). Отголоски “гуннского стиля” еще долго звучали в степи (Богачев, А.В., 1996). Но нельзя недооценивать влияние на изменение стиля, роста ориентации зарождающейся степной аристократии на блеск царских дворов Византии и Ирана, что отмечено в ряде работ (Сташенков Д.А., 1998, с.212-223 и др.). Одно время рассматривался вопрос о принадлежности подбойных погребений гуннам, но он не мог быть решен положительно ввиду того, что подбойные погребения существовали в сармат-

ской культуре задолго до гуннского нашествия (Кузнецов В.А., 1973, с.64).

Мнения о сохранении значительного позднесарматского субстрата в раннее средневековье, в том числе в салтово-маяцкой культуре, придерживался Н.Я.Мерперт (Мерперт Н.Я., 1949, 1951). Время появления болгар в восточноевропейских степях он связывал не с вторжением гуннов, как сейчас принято в историографии, а со временем появления позднесарматского населения. Он считал “несомненным, что еще в первые века нашей эры, задолго до появления в Европе основной массы гуннов, через Северный Прикаспий в восточные районы предкавказских степей проникает из Азии группа тюркоязычных племен. Здесь они кочуют по соседству с ... аланами, причем, ... последние оказали на болгар значительное культурное воздействие” (Мерперт Н.Я., 1957, с.7). В IV в., как пишет далее Н.Я.Мерперт, болгары разделили судьбу всех племен, оказавшихся на пути гуннского движения: 1) частично уничтожены; 2) частично подчинены и вовлечены в движение на запад; 3) отошли в горные районы вблизи своей территории, вернувшись на нее после разгрома гуннов (Мерперт Н.Я., 1957, с.8).

В связи с последним тезисом примечательно, что исследовавшая могильники Верхнего Чир-Юрта Н.Д.Путинцева отмечала сарматские черты не только в грунтовых катакомбах, но и в ямных погребениях, которые приписывают болгарам. Особенно ярко, по ее наблюдениям, они проявились в керамическом комплексе: серое плотное тесто с известковыми включениями, лощение (Путинцева Н.Д., 1961). Гуннское нашествие усилило отток степного населения в предгорья, которое началось еще во II-III вв. н.э. (Абрамова М.П., 1993, с.200, 201), но привело не к тюркизации, а к усилению кавказского элемента в культуре сармато-алан, а следовательно, и болгар, эту материальную культуру воспринявших и в последующее время вновь распространивших ее в южнорусской степи (Абрамова М.П., 1997, с.137-158; Мерперт Н.Я., 1957, с.8). Помимо исторически известного гуннского нашествия, возможно, на отток населения в предгорья повлияло изменение климата. Л.Н.Гумилев отмечает, что на время, “когда гунны теснили сарматов на запад, в III-IV вв., ... степи превратились в пустыни” (Гумилев Л.Н., 1968, с.36). Усыхание степи – более значимый фактор миграции, чем нашествие, которое даже при крайней многочисленности гуннских полчищ не могло охватить всю степную зону и привести к полной ассимиляции прежнего населения. Отметим в связи с гипотезой Н.Я.Мерперта, что даже в своем “царстве” на Северном Кавказе гунны вскоре растворились в ираноязычном окружении и древнем аборигенном населении (Гадло А.В., 1979, с.150).

В настоящее время проблема сарматского субстрата, поднимавшаяся Н.Я.Мерпертом в связи с генезисом памятников салтово-маяцкой культуры (Мерперт Н.Я., 1951), в литературе, касающейся подкурганых захоронений, практически не затрагивается. Ос-

новное внимание исследователей обращено на процессы миграций, преимущественно далеких, более позднего времени. А.И.Семенов, акцентируя внимание на наличие в погребениях византийских солидов и импорта, выдвинул предположение о принадлежности курганов хазарского времени одному из двух этносов, занимавших господствующее положение в Хазарии: хазарам или тюркютам (Семенов А.И., 1978, с.78). Причем сначала он предполагал связать курганы "соколовского типа" с тюркютами и протестовал, что именно ему стали приписывать приоритет в их хазарской атрибуции, оказавшейся наиболее популярной в отечественной науке (Семенов А.И., 1988, с.107). В связи с вопросом о выявлении тюркютских захоронений А.И.Семеновым была предпринята серия попыток выявить центральноазиатские черты в конструкции погребальных сооружений и в инвентаре. Эта идея также получила широкий резонанс. Хазары, чье происхождение и точное время появления на юго-востоке Европы неизвестно, А.В. Комаром теперь прямо отождествляются с тюркютами (Комар А.В., 1999, с.115; 2000).

Между тем гипотеза о сохранении традиции подкурганных подбойных захоронений с позднесарматского времени могла бы объяснить наличие основных общих черт обряда при сохранении локальных различий на обширной территории (кстати, совпадающей с территорией расселения позднесарматских племен), не прибегая к попытке объяснить это сходство за счет миграций гуннов или тюрков. Эта гипотеза не лишена оснований.

Многие, если не сказать все, основные черты, которые мы находим в раннесредневековом обряде погребений Волго-Донского региона, прослеживаются здесь и в сопредельных районах с позднесарматского времени: 1) небольшие земляные насыпи с ровиками; 2) преобладание основных погребений (Заволжье, Приуралье) или равная доля со впускными (Волго-Донье); 3) разные типы погребений с преобладанием подбоев и узких ям, среди которых встречаются ямы с заплечиками; 4) расположение входа в подбой слева от погребенного; 5) появление погребений в катакомбах; 6) абсолютное преобладание одиночных захоронений и редкость парных; 7) ориентировка в северо-восточный сектор горизонта; 8) поза – вытянуто на спине, руки часто положены на бедро или область таза; 9) встречаются заклады из дерева, гробы, подстилка

из органических материалов; 10) напуганная пища – в основном баранина, реже – части коня; 11) захоронения отрубленных до колен ног коня на дне входной ямы подбоев (в одном случае череп козы лежал на костях ее же ног); 12) на древнем горизонте фиксируются зольные пятна и кострища, а в засыпке и на дне могил – зола и угольки (Мошкова М.Г., 1989, с.191-193; Скрипкин А.С., 1984, с.59-80; Максименко В.Е., 1998, с.154, 155).

Одной из характерных черт позднесарматской культуры является также сочетание западных и восточных, в том числе центральноазиатских, инноваций. Последние отражали довольно тесные контакты с рядом государств от Ирана до Китая и "влияние отдельных черт, характерных для хуннских и южносибирских древностей" (Скрипкин А.С., 1999, с.128).

Предполагается, что создание хуннской державы, потеснившей на запад восточнокифские племена, привело к появлению в степях Восточной Европы во II в. н.э. нового этноса, поскольку именно в это время (позднесарматское) происходят значительные изменения в погребальном обряде и материальной культуре в целом. Широко распространяется деформация черепов, и отмечается увеличение монголоидной примеси (Скрипкин А.С., 1999, с.124).

М.И.Артамонов, касаясь тогда еще немногочисленных подкурганных раннесредневековых захоронений, в том числе поволжских комплексов, опубликованных в работах И.В.Синицына и В.Е.Максимова, делает два вывода, которые можно назвать программными в изучении более поздних и более представительных групп подкурганных захоронений хазарского времени. Во-первых, он указывает на общность инвентаря в погребениях разных этнических групп и предостерегает от его преждевременного использования в качестве этнографически значимого: более важное звено – это погребальные обряды. Во-вторых, отнеся трупосожжения предположительно за счет пришлого тюркского элемента, погребения в узких ямах с подбоем он связал с сарматской традицией, одинаково характерной для Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии. В процессе смешения эти традиции "в некоторых отношениях заняли господствующее положение, благодаря тому, что физически этот массив состоял из потомков, главным образом, местных европеоидных племен, а не пришлых монголоидов" (Артамонов М.И., 1962, с.102).

Литература и архивные материалы

- Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время: III в. до н.э. – IV в. н.э. М.
Абрамова М.П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III-V в. н.э. М.
Айбабин А.И., 1985. Погребение хазарского воина// СА. № 3.
Айбабин А.И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
Аксенов В.С., Михеев В.К., 1998. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца// Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

- Амброз А.К.**, 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в.// Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
- Артамонов М.И.**, 1962. История хазар. Л.
- Атавин А.Г.**, 1996. Погребения VII – начала VIII в. из Восточного Приазовья// Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Афанасьев Г.Е.**, 1987. Муравьевский клад: К проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь// СА. № 1.
- Афанасьев Г.Е.**, 2001. Где же археологические свидетельства существования хазарского государства?// РА. №2.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.**, 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Баранов И.А.**, 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья: Салтово-маяцкая культура. К.
- Безуглов С.И., Науменко С.А.**, 1999. Новые находки византийских и иранских импортных в степях Подонья// Донская археология. № 1. Ростов-на-Дону.
- Богачев А.В.**, 1996. К вопросу о поздней дате древностей “гуннского круга”// РА. № 3.
- Васильева И.Н.**, 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья// Древняя история Поволжья. Тр. Куйбышевск. пед. ин-та. Т. 230. Куйбышев.
- Васюткин С.М.**, 1988. Периодизация этнической истории средневековых кочевников Северо-Западного Прикаспия// XV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. Махачкала.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С.**, 1990. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча// СА. № 1.
- Гавритухин И.О.**, 1999. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитковой обоймой// Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.**, 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гадло А.В.**, 1979. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.
- Гумилев Л.Н.**, 1968. Кочевнические погребения в дельте Волги// Доклады по этнографии. Вып.6. Л.
- Гуркин С.В., Бойко А.Л.**, 1990. Работы Приморской археологической экспедиции в 1989 г.// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов.
- Дегтярь А.К., Любичев М.В.**, 1997. Межэтнические контакты в период раннего средневековья на Северском Донце: По материалам поселения Нижний Бишкин 2// Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. конф. Харьков.
- Засецкая И.П.**, 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху: конец IV – V в. СПб.
- Засецкая И.П., Маршак Б.И., Шукин М.Б.**, 1979. Обзор дискуссии на симпозиуме// КСИА. Вып.158.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.**, 2000. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи// МАИЭТ. Вып. VII. Симферополь.
- Иванов А.А.**, 1999а. Подкурганые конструкции в погребальном обряде кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья// Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.
- Иванов А.А.**, 1999б. О поясных наборах из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Нижнего Поволжья// Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. конф. Харьков.
- Иванов А.А.**, 2000. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.
- Ивченко А.В.**, 1999. Кочевнические погребения второй половины VI – VII веков в Северном Приазовье// Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. конф. Харьков.
- Иессен А.А.**, 1965. Раскопки Большого кургана в урочище Учтепе// МИА. № 125.
- Казakov Е.П.**, 1997. Об этнокультурных компонентах народов Юго-Восточной Европы и Волжской Болгарии: по археологическим материалам// Татарская археология. № 1. Казань.
- Казakov Е.П.**, 1999. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии// Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань.
- Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В.**, 1972. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону// АО – 1971.
- Комар А.В.**, 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы: Вопросы хронологии// Vita antiqua. № 2. К.

- Комар О.В.**, 2000. Ранні хозари у Північному Причорномор'ї// Археологія. № 1. К.
- Комар О.В., Піоро В.І.**, 1999. Кургани хозарського часу на Луганщині// Vita antiqua. № 2. К.
- Красильников К.И.**, 1978. Раннепеченежское погребение в с.Горшковке// СА. № 4.
- Красильников К.И.**, 1990. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедонечья// Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Круглов Е.В.**, 1990а. О подкурганных захоронениях калмыцко-астраханских степей хазарского времени// Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Круглов Е.В.**, 1990б. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции// Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза.
- Круглов Е.В.**, 1991. К проблеме выделения раннехазарских археологических памятников// VIII научно-практич. конф. преподавательского состава Волгоградск. гос. ун-та. Волгоград.
- Круглов Е.В.**, 1992а. Хазарские погребения на реке Аксай// Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград.
- Круглов Е.В.**, 1992б. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// РА. № 4.
- Кузнецов В.А.**, 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв.// СА. № 2.
- Ларенок П.А.**, 1998. Северо-Восточное Приазовье и дельта р.Дон в VIII-X вв.// Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. конф. Ростов-на-Дону.
- Львова З.А.**, 1995. Варварская группа вещей из Перещепинского комплекса// МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь.
- Любичев М.В.**, 1994. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения северо-западной Хазарии в конце VII – начале VIII в.// Древности. 1994. Харьков.
- Максименко В.Е.**, 1998. Сарматы на Дону: Археология и проблемы этнической истории// Донские древности. Вып.6. Азов.
- Максимов Е.К.**, 1956. Позднейшие сармато-аланские погребения на территории Нижнего Поволжья// Археологический сборник. Тр. Саратовск. обл. музея краеведения. Вып.1. Саратов.
- Матвеева Г.И.**, 1995. О происхождении памятников новинковского типа// Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. докл. конф. Самара.
- Матвеева Г.И.**, 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Мерперт Н.Я.**, 1949. "Верхнее Салтово" (Салтовская культура): Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.; Л.
- Мерперт Н.Я.**, 1951. О генезисе салтовской культуры// КСИИМК. Вып. XXXVI.
- Мерперт Н.Я.**, 1957. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань.
- Мошкова М.Г.**, 1989. Позднесарматская культура// Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Мошкова М.Г., Максименко В.Е., Смирнов К.Ф.**, 1972. Работы на Нижнем Дону и в междуречье Сала и Маньча// АО – 1971.
- Орлов Р.С.**, 1985. Культура кочевников IV-VIII вв.// Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н.э. К.
- Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я.**, 1996. Новые памятники VI-VII вв. из Приазовья// Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К.
- Парусимов И.Н.**, 1998. Раскопки курганов в Зимовниковском районе// Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск.
- Плетнева С.А.**, 1986. Хазары. М.
- Плетнева С.А.**, 1998. Проблемы хазарской археологии и Саркел – Белая Вежа// Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тез. докл. конф. СПб.
- Плетнева С.А.**, 1999. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим.
- Путинцева Н.Д.**, 1961. Верхнечирюртовский могильник// Материалы по археологии Дагестана. Т.II. Махачкала.
- Рашев Р.**, 2000. Прабългарите през V-VII век. Вел. Търново.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.**, 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург.
- Седов В.В.**, 1999. У истоков восточнославянской государственности. М.
- Семенов А.И.**, 1978. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону// Проблемы археологии. Вып. 2. Л.

- Семенов А.И.**, 1985. Художественный металл Романовского погребения на Дону// Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.
- Семенов А.И.**, 1987. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Уч-тепе// КСИА. Вып.192.
- Семенов А.И.**, 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы// АСГЭ. Вып. 29.
- Семенов А.И.**, 1993. О датированных способностях византийских солидов VII-VIII вв.// Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар.
- Семенов А.И.**, 1997. К оценке различий погребального обряда курганных захоронений типа Сивашевки и типа Соколовской балки// Древности Кубани. Краснодар.
- Синицын И.В.**, 1959. Археологические исследования Заволжского отряда: 1951-1953 гг.// МИА. № 60.
- Скрипкин А.С.**, 1982. Азиатская Сарматия во II-IV вв.: Некоторые проблемы исследования// СА. № 2.
- Скрипкин А.С.**, 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
- Скрипкин А.С.**, 1999. Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры// Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.
- Сміленко А.Т.**, 1975. Слов'яне та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). К.
- Сташенков Д.А.**, 1998. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья// Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: вопросы хронологии. Самара.
- Федоров-Гусейнов Г.С.**, 1999. Государственное образование Сувар-Жидан и его роль в истории Юго-Восточной Европы// Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1984. Погребения хазарского времени из кургана "Кривая Лука" в Нижнем Поволжье// Проблемы хронологии степей Евразии. Кемерово.
- Флёрова В.Е.**, 2001а. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа?// РА. № 2.
- Флёрова В.Е.**, 2001б. Согдийское ремесло и кочевники VII-VIII вв.: О происхождении накладок седла из Шиловского кургана// Средневековые древности евразийских степей. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып.15. Воронеж.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1979. Раскопки курганов в урочище "Гува"// Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста.
- Naumenko S.A., Bezuglov S.I.**, 1996. Új bizánci iráni importleletek a Don-vidék sztyeppéiről// Studia Archaeologica. II. Szeged. (Hungari).

Summary

V. Ye. Flyorova (Moscow, Russia)

Tumulus Interments in the Steppes of Eastern Europe and the ways of Khazaria's Culture Formation

The paper gives a survey of the sources and hypotheses on tumulus interments of the VIIth – early IXth c.c. scattered over the area from the Dnieper to the Volga rivers. These monuments play an important role in investigating the ways of Khazaria's culture formation. The author notes that in modern Ukrainian and Russian historiography there is a marked difference of opinion as to the ethnic, cultural and chronological attribution of these monuments. The following hypotheses could be mentioned: those attributing them mainly to the Khazars (Ye. Kruglov, A. Komar), or to the Bulgarians (Bagautdinov – Bogachev – Zubov, Matveyeva), and those indicating certain influence of the late Sarmat substratum (Vasyutkin, Maksimov). There are also considerable contradictions in chronological organisation of the material. In different authors divergence in dating various monuments can range from 50 to 100 years and more. Absolute dating being a complex problem, one cannot rely on the hypotheses based on chronological correlations with concrete historical events. Underdeveloped chronology makes it almost impossible to determine discreteness and continuity of such monuments as Sivashevka, Malaya Pereschepina, Voznesenka, "barrows with rectangular ditches", Novinki and Uren.

The author argues that the hypotheses on the Khazaran and Bulgarian tribes settling in the area are not sufficiently substantiated by archaeological data. Not all the details of funeral rites are taken into consideration, they being paid less attention as compared with grave goods. Such changes in the funeral rite as westward direction of interments and placing a saddle-horse into the grave appear convergently in the early Middle Ages. We can hardly

regard them as the results of migration processes. The local groups of monuments have their own specific features. The comparison of the burial complexes of the Eastern Azov steppes (Priazovye region) and the Novinky barrows, the Uren-type monuments and those of the Volga and the Don rivers areas, the interments of Shylovka and Chir-Yurt showed no conformity with the criteria of migration reconstruction (according to L.S. Klein).

It should be emphasized, that modern historiography underestimates the role of the late Sarmat traditions in the process of Khazaria's culture formation, while the influence of the Huns' invasion and The First Turkish Khaganate's conquest upon the ethnogenesis of the Khazars is obviously overestimated. There is good evidence confirming the hypothesis that the traditions to bury the deceased in tumulus interments with niches or narrow pits could have survived since the Sarmat times. Not only the location of the late Sarmat settling and the early medieval barrows overlap, but also the main peculiarities of the funeral rite coincide, namely: embankment dimensions, the form of the graves, the number and poses of the deceased, their direction, the kinds of sacrificial animals, the character of funeral feasts, etc.

V.E. Flerova (Moskau, Russia)

Unterkurganbestattungen in den osteuropäischen Steppen und das Zustandekommen der Kultur Chasariens

Der Artikel gibt die Übersicht über den Zustand von Quellen und Hypothesen hinsichtlich der Unterkurganbestattungen des VII. – Anfang IX. Jhs., die zwischen dem Dnepr und der Wolga liegen. Diese Denkmäler stellen ein wichtiges Glied bei der Untersuchung dar, wie die Kultur Chasariens zustande gekommen ist. Die Autorin sieht an, dass die Meinungen über die ethnokulturelle und chronologische Differenzierung der zu untersuchenden Denkmäler in der gegenwärtigen russischen und ukrainischen Historiographie sehr unterschiedlich sind. Es werden die Hauptrichtungen in der Attributierung von frühen mittelalterlichen Unterkurganbestattungen bestimmt: vorwiegend chasarische (Kruglov, Komar), bulgarische (Bagautdinov – Bogačev – Zubov, Matvejeva), eine gewisse Rolle des spätsarmatischen Substrates (Vasjutkin, Maksimov). Die chronologische Gliederung des Materials weist wesentliche Widersprüche auf. Die Datierungen einzelner Denkmaltypen unterscheiden sich bei verschiedenen Autoren um 50-100 und mehr Jahre. Die Schwierigkeiten der absoluten Datierung lassen den Hypothesen nicht vertrauen, die auf der Vergleichung mit konkreten Daten von historischen Ereignissen basieren. Die ungenügend erarbeitete Chronologie ermöglicht nicht, das Problem der Unstetigkeit und Aufeinanderfolge solcher Denkmaltypen wie "Sivaševka", "Pereščepino", "Voznesenka", "Kurgane mit Quadratgraben", "Novinki", "Uren'".

Nach der Meinung des Autors werden die vorgeschlagenen Hypothesen über das Ansiedeln der Chasaren- und Bulgarenstämme durch archäologische Quellen ungenügend nachgewiesen, sie berücksichtigen nicht alle Besonderheiten des Bestattungsrituals, denen im Vergleich mit den Sachkomplexen weniger Aufmerksamkeit geschenkt wird. Solche Veränderungen im Bestattungsritual wie die Verbreitung der westlichen Orientierung und die Beisetzung eines Reitpferdes tauchen im frühen Mittelalter konvergent auf. Es ist nicht zweckmäßig, sie durch die Migrationen zu erklären. Lokale Denkmalgruppen haben ihre eigenen Besonderheiten. Die Vergleichung der Komplexe aus dem östlichen Asovgebiet mit den Kurganen in "Novinki", der Denkmäler von "Urgen'-Typ" mit denen von Wolga-Don, der Bestattungen in Šilovka mit denen in Čir-Jurt entsprechen den Kriterien der Migrationsrekonstruktion nach L.S. Klein nicht.

Es wird hervorgehoben, dass die gegenwärtige Historiographie dieser Frage die Rolle der spätsarmatischen Traditionen im Zustandekommen der Kultur Chasariens nicht berücksichtigt. Dabei wird die Bedeutung des Hunneneinfalls und der Eroberungen des Ersten Türkischen Kaganats in der Ethnogenese offenbar übertrieben. Die Hypothese über das Erhalten der Traditionen von Unterkurganbestattungen in den Kammern und engen Gruben in den Steppen seit den Sarmatenzeiten hat ihren guten Grund. Nicht nur die Areale der spätsarmatischen und frühmittelalterlichen Kurgane sondern auch die Grundzüge des Bestattungsrituals fallen zusammen: Abmessungen der Aufschüttungen, Grabformen, Anzahl und Lagen der Bestatteten, ihre Orientierung, Arten der geopfert Tiere, Charakter der Leichenschmäuse usw.

V.E. Fleurova (Moscou, Russie)

Des enterrements au-dessous des tumulus dans les steppes de l'Europe de l'Est et voies de formation de la culture de Khazarie

L'article présente un aperçu des sources et des hypothèses au sujet des enterrements au-dessous des tumulus aux VII- début IX s.s., situés sur les territoires qui s'étendent du Dniepr à la Volga. Ces monuments servent d'un maillon

important dans l'étude des voies de formation de la culture de Khazarie. L'auteur constate un décalage sensible dans les points de vue des historiographes russes et ukrainiens contemporains concernant la différenciation ethnoculturelle et chronologique des monuments mentionnés. Les tendances essentielles de leur attribution vont dans le sens des cultures: khazare par excellence (Krouglov, Komar), bulgare (Bagaoutdinov-Bogatchev-Zoubov, Matvéeva), partiellement du substrat sarmate tardif (Vassutkine, Maximov). On observe des contradictions importantes dans la segmentation chronologique. Les datations de certains monuments par différents auteurs font parfois décalage de 50-100 ans et plus. Les difficultés des datations absolues ne permettent pas de faire confiance aux hypothèses ayant pour source de comparaison des dates précises des événements historiques. La chronologie n'étant pas suffisamment élaborée, on se trouve en difficulté de solution probante au sujet du caractère discret et successif des monuments de type "Sivachevka", "Malaya Pereshchepina", "Voznesenka", "tumulus aux niches carrées", "Novinki", "Ouren".

Selon l'auteur, des hypothèses des archéologues sur l'expansion des tribus khazares et bulgares avancées ne sont pas bien confirmées par les sources archéologiques et elles ne s'appuient pas bien sur les particularités du rite funéraire étant donné que leur attention est plutôt portée à l'ensemble des objets trouvés. L'apparition de l'orientation sur l'ouest et la mise en tombe du cheval sont des modifications du rite funéraire qui datent du Moyen Âge précoce d'une façon convergente. Les migrations n'y font rien. Des groupes de monuments locaux ont chacun ses particularités. La comparaison des complexes des bords de la mer d'Azov et de ceux de Novinki, des monuments de type "ouren", d'une part et ceux de la Volga et du Don, Shilovka et Chir-Yourt de l'autre part, ne correspond pas aux critères de la reconstruction des migrations (d'après L.S.Klein).

On remarque que l'historiographie moderne de ce problème est en défaut sur le rôle des traditions des sarmates tardifs dans la formation de la culture de la Khazarie. Et avec cela le rôle de l'incursion des Huns et des conquêtes du Premier Khaganate Turc est manifestement exagéré par rapport à l'éthnogenèse. L'hypothèse de l'existence sur les steppes de la pratique des enterrements au-dessous des tumulus dans des niches et fosses étroites à partir de la période sarmate n'est pas privée de fondement. On observe non seulement la coïncidence des zones de disposition des tumulus des sarmates tardifs et du Moyen Âge précoce, mais aussi les éléments essentiels du rite funéraire: Taille de remblai, forme des tombes, nombre et poses des morts, leur orientation, types d'animaux sacrificatoires, caractère du repas funéraire.